

Происхождение нотного музыкального письма у северных и южных славянъ по памятникамъ древности, преимущественно византийскимъ.

I.

Исслѣдя церковно-славянскіе музыкально-богослужебные памятники русской церкви XI, XII, XIII и XIV вв., мы различаемъ три системы нотного музыкального письма. Системы эти слѣдующія: а) читально-пѣвческая, б) кондакарная и в) знаменная¹⁾.

Знаменами первой системы въ древности читались распѣвъ²⁾ евангелія, праксисостолы, пророческія книги и возгласы священниковъ и диаконовъ. Памятникомъ на церковно-славянскомъ языкѣ, доказывающимъ существованіе сей системы еще въ XI вѣкѣ у русскихъ, служатъ Евангеліе листы ст. нотами Императорской Публичной Библиотеки (№ 58), написанные, по словамъ извѣстнаго палеографа А. Н. Соболевскаго, въ Россіи (всего скорѣе въ Кіевѣ) въ XI вѣкѣ и списанные, вѣроятно, непосредственно — съ древне-болгарскаго (или древне-церковно-

¹⁾ Кондакарная и знаменная системы съ своей стороны подраздѣляются каждая отдѣльно на особые кондакарные и знаменные нотные виды, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь въ спеціальной статьѣ о кондакарномъ знамени.

²⁾ Система эта очень удачно названа также *экфонетической* греческимъ ученымъ Γεώργιος'омъ, разъяснившимъ этотъ терминъ слѣдующимъ образомъ: „Πάν τε τῶν τριῶν τούτων εἰδῶν τῆς μελοποιίας ἡ Ἀνατολικῆ ἐκκλησία ποιεῖ χρῆσιν καὶ ἄλλου εἶδους, καὶ ὃ ἀνεγινώσκοντο τὰ βιβλία τῆς παλαιᾶς καὶ νέας Γραφῆς, καὶ ἐξηγγέλλοντο αἱ ἐκψωνήσεις τῶν ἱερῶν καὶ διακόνων ἐν τῇ λειτουργίᾳ, ὅπερ πρὸς διακρίσιν ὀνομάτων ἐκψωνητικόν. Ἐκψωνήσεως δὲ ἀνεγινώσκοντο καὶ ψαλμοὶ καὶ ἑὸ χὰ ἰ, ὡς καὶ σήμερον ἐπι συνεθιζούσι τινες ἐν ταῖς μοναῖς. „Кромѣ трехъ этихъ видовъ мелопеи, восточная церковь употребляетъ и другой видъ, по которому читались книги Ветхаго и Новаго заветъа и произносились возгласы священниковъ и диаконовъ во время священнодѣйствій, что въ отличіе называется *экфонетическимъ*. Возгласно же читались псалмы и молитвы, какъ это практикуется нѣкоторыми даже и нынѣ въ монастыряхъ“. См. Ἡ ἐπιπέσις τῆς παρασηματικῆς τῶν κατὰ τὸν μεσαιῶνα λειτουργικῶν καὶ ἐρμολογικῶν χειρογράφων τῶν ἀνατολικῶν ἐκκλησιῶν“. Ἀθήνησιν, 1886 г., стр. 29.

славянскаго, что одно и то же) оригинала³⁾. Позднѣйшимъ памятникомъ съ подобными знаками, на что обратилъ наше вниманіе А. Н. Соболевскій, является Евангеліе XV вѣка съ нотами на всѣхъ листахъ, хранящееся въ Archivъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода (№ 24)⁴⁾. Послѣдній манускриптъ, хоть и единственный въ своемъ родѣ, во всякомъ случаѣ доказываетъ, что древній обычай читать Евангеліе на распѣвъ по извѣстнымъ нотнымъ знакамъ продолжалъ практиковаться еще въ XV вѣкѣ въ русской церкви.

Нотами второй системы—кондакарной—изложены кондаки, ипакои, нѣкоторые сѣдальны, катавасіи, запричастны, Святый Боже. Всякое дыханіе, припѣвы разные и другія пѣснопѣнія, содержащіяся преимущественно въ пяти памятникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ кондакарей, частью же, совсѣмъ случайно, въ минеяхъ⁵⁾. Кондакарное знамя, какъ это ни странно, также можно встрѣтить въ качествѣ мелодическаго украшенія и среди пѣснопѣній, изложенныхъ исключительно знаменной нотацией⁶⁾.

³⁾ Снимокъ съ этого памятника можно видѣть у Архимандрита Порфирія Успенскаго: „Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты“. Кіевъ 1877 г. въ приложеніи подъ № 2. Въ 1-омъ отдѣлѣ II части того же сочиненія на 376 и 377 страницахъ встрѣчается перечень читально-пѣвческихъ знаковъ съ ихъ греческими названіями, усмотрѣнныхъ названнымъ авторомъ въ вышеупомянутыхъ двухъ листахъ. Въ этомъ перечнѣ недостаетъ усмотрѣнныхъ нами на тѣхъ же листахъ знаковъ: ὁ ζεῖα, δεκαὶ ζεῖα и εορτακίη. Такой же снимокъ также есть и въ приложеніи полученной на дняхъ нами отъ автора книги: „Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ“ Н. Каринскаго, ч. I-ая. Санктпетербургъ, 1904 г.

⁴⁾ Съ этого памятника снимокъ изданъ въ приложеніи къ „Описанію рукописей, хранящихся въ Archivъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“. Ч. I, СПб. 1904 г.

⁵⁾ Въ минеѣ мѣсяца августа Московской Синодальной Библиотеки № 168 на первомъ листѣ и на первой страницѣ есть катавасія на Преображеніе Господне гласа 8-го: „Свѣтомъ Славы божества Твоего Спасе, удивилъ еси Своя ученики...“, писанная кондакарнымъ знаменемъ въ концѣ XIII столѣтія, если не въ началѣ XIV в., и случайно попавшая въ этотъ памятникъ, такъ какъ вся рукопись относится къ концу XII или началу XIII в. Отсюда видно, что въ концѣ XIII в. кондакарный распѣвъ съ своей особенной нотацией еще не выходилъ изъ употребленія.

⁶⁾ Образецъ знаменнаго изложенія со вставкой строки кондакарнаго знамени можно видѣть въ книгѣ С. В. Смоленскаго: „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“. См. „Памятники древней письменности и искусства“ CXLV. 1901 г., стр. 30, № 7. Подобныя вставки также замѣчены и въ стихирарѣ № 8 Московской Синодальной Библиотеки XII — XIII в. л. 159а строчки 8 и 10 сверху.

Нотными знаками третьей системы изложены прочія пѣсно-пѣнія русской церкви, содержащіяся въ ирмологіяхъ, стихира-ряхъ, минеяхъ, тріодахъ, октоихахъ и друг. въ большой же долѣ и въ вышеупомянутыхъ кондакаряхъ.

Экфонетическими знаками читались и распѣвъ исключительно священныя тексты, читаемые или произносимые священниками, діаконами и чтецами. Кондакарными знаменами изложены мелодіи исключительно *протяжныя*, а знаменными крѣками—какъ *протяжныя*, такъ и скорыя.

Вопросъ о происхожденіи славянскаго экфонетическаго распѣва съ его нотами всецѣло подлежитъ нашему изслѣдованію, такъ какъ о немъ пока ничего опредѣленнаго не написано. Но вопросу же о происхожденіи знаменъ и распѣвовъ двухъ послѣднихъ музыкальных системъ—знаменной и кондакарной—мнѣнія ученыхъ расходятся, и вопросъ этотъ донынѣ остается нерѣшеннымъ. Правда, большинство русскихъ изслѣдователей музыка-археологовъ, опираясь на нѣкоторыя, повидимому, достаточныя основанія, указываютъ то на русскую ноту, то на южно-славянскую, какъ на мѣсто ихъ возникновенія, развитія и усовершенствованія, не отрицая, впрочемъ, и нѣкотораго вліянія на эти системы со стороны греческаго пѣнія. Но между ними нашлись и такіе ученые, которые приписывали происхожденіе, по крайней мѣрѣ нѣтруднѣйшаго кондакарнаго распѣва, прямо греческой церковной музыкѣ; какъ, напримѣръ, Рязанскій въ 1866 г., а также знаменитый русскій музыка-археологъ, бывшій профессоромъ московско-Консерваторіи, протоіерей Д. В. Рязумовскій, назвавшій русскій кондакарный распѣвъ прямо греческимъ распѣвомъ¹⁾. Какъ бы то ни было, рѣшительнаго или недожительнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока нѣтъ. Этотъ-то вопросъ, впрочемъ, весьма важный какъ для исторіи русской церковной музыки, такъ и для литургической науки въ частности, постараемся мы восполнить въ настоящемъ этюдѣ. Надлежащее развитіе этого вопроса укажетъ намъ путь, по которому мы лучше поймемъ исторію какъ русской, такъ и византийскаго музыки, и откроемъ ее изслѣдователямъ, какъ мы полагаемъ, нѣчто новое.

¹⁾ „Теорія и практика церковнаго пѣнія“. Москва, 1886 г. стр. 83.

Итакъ, относительно происхожденія первой славянско-экфонетической, встрѣчаемой въ вышецитированныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, ничего до сихъ поръ не было сказано. Впрочемъ, перечисленіе знаменъ перваго памятника у архимандрита — вполнѣдствіи преосвященнаго—Порфирія Успенскаго съ ихъ греко-византийскими названіями, повидимому, нужно объяснить въ смыслѣ признанія авторомъ ихъ греческаго происхожденія. Чтобы предупредить всякія возраженія, которыя, быть можетъ, могли бы возникнуть вполнѣдствіи, докажемъ здѣсь наглядно подлинное происхожденіе нотъ двухъ вышеупомянутыхъ церковно-славянскихъ памятниковъ и распѣва перваго изъ нихъ. Изслѣдовавъ болѣе или менѣе тщательно этотъ вопросъ, мы нашли не только тождество въ начертаніи между знаками этихъ рукописей и знаками соответствующихъ греческихъ текстовъ, но какъ сходство, такъ и различіе даже въ самомъ распѣвѣ на одинъ и тотъ же текстъ въ славянскомъ и греческомъ экфонетическихъ изложеніяхъ. Отсюда мы вывели слѣдующее заключеніе: а) Экфонетическія знамена указанныхъ славянскихъ памятниковъ всецѣло воспроизводятъ знамена, встрѣчаемая въ греческихъ экфонетическихъ памятникахъ въковы V—XII, съ тою разницею, что они вполнѣдствіи мѣняютъ свои старые строго опредѣленные законы композиціи на новые, выработанныя временемъ въ Россіи и представляемые нынѣ въ экфонетическомъ изложеніи Евангелія XV в. Святыяшаго Синода. б) Въ экфонетической мелодіи на одинъ и тотъ же текстъ какъ въ греческомъ, такъ и въ славянскомъ изложеніяхъ представляемыхъ въ греческихъ Евангеліяхъ X и XI в.в. и въ славянскомъ памятникѣ XI в., есть много какъ сходства, такъ и различія.

Это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что или въ глубокой даже древности допускались уклоненія со стороны переводчиковъ въ мелодіяхъ при составленіи переводовъ съ оригиналовъ, или списавшіи наши листы съ болгарскаго перевода допустили уклоненія въ мелодіи, или я, когда сличалъ текстъ упомянутыхъ листовъ Императорской Публичной Библіотеки съ соответствующими текстами двухъ греческихъ Евангелій X и XI в.в., началъ не на тотъ оригиналъ или подходящую съ послѣдняго копію. Последнее говорю потому, что и мелодіи часто двухъ одинаковыхъ греческихъ текстовъ одного и того же столѣтія, но разныхъ редакцій, большею частью не совпадаютъ между собою, откуда вытекаетъ, что мы не имѣемъ права требо-

Экфонетические знаки
двуухъ славянскихъ ли-
стовъ СПВ. Импер. Публ.
Библиотеки (F. p. I №57).

Экфонетические знаки
славянскаго Евангелія
XV в. Святѣйшаго Прави-
тельства. Синода (№ 24P).

Экфонетические знаки греческихъ
Евангелій.

			1.
			2.
			3.
			4.
			5.
			6.
			7.
			8.
			9.
			10.
			11.
			12.
			13.
			14.
			15.

вать безусловно и всегда тождества въ мелодіи одинаковыхъ литургическихъ текстовъ даже одного и того же времени.

Что касается до экфонетической мелодіи упомянутого Евангелія XV вѣка Святѣйшаго Синода, то она нами не была еще сличена съ соответствующими греческими мелодіями, такъ что судить о ней пока нѣтъ возможности.

Чтобы сдѣлать нагляднымъ положеніе о тождествѣ въ начертаніи экфонетическихъ знаменъ славянскихъ и греческихъ памятниковъ, помещаемъ здѣсь ниже составленную параллельную таблицу знаменъ славянскихъ и греческихъ Евангелій (См. табл.).

1. 'Οξεία.	9. 'Απόστροφος.
2. Βαρεία.	10. Διπλή ὀξεία.
3. Καθιστή.	11. Διπλή βαρεία.
4. Συρματική.	12. Κρεμαστή.
5. Γελαία.	13. 'Απόστροφος.
6. Παραλειτική.	14. Σύνεμβα.
7. 'Υπόκλισις.	15. Ὄξεία и Κρεμαστή.
8. Κεντήματα.	

Изъ этой таблицы яснымъ становится не только сходство но и тождество въ начертаніи тѣхъ и другихъ знаковъ.

Чтобы сдѣлать яснымъ и то, въ чемъ тождество или различіе въ мелодіи на одинъ и тотъ же текстъ въ греческихъ Евангеліяхъ X и XI столѣтія и въ славянскомъ Евангеліи XI вѣка, позволяемъ себѣ представить вниманію читателей ниже предлагаемую параллельную таблицу на одинъ и тотъ же экфонетическій текстъ трехъ вышеупомянутыхъ Евангелій.

Съ цѣлью сдѣлать яснѣе сличеніе ниже приведенныхъ текстовъ, считаемъ целесообразнымъ предварительно познакомить читателей съ слѣдующими указаніями касательно экфонетическаго изложенія: а) Всякій священный экфонетическій текстъ, смотря по смыслу, раздѣляется на мелкіе члены, имѣющие каждый самостоятельную диалектическую мелодію. Эти члены состоятъ то изъ одного, то изъ двухъ и больше словъ и извѣстны наукѣ подъ

*) Настоящее Евангеліе Святѣйшаго Синода нами еще не изслѣдовано. Вслѣдствіе этого мы не имѣли возможности собрать всѣ экфонетическія знамена этого драгоценнаго памятника. Предлагаемая здѣсь знамена собраны нами изъ давнаго намъ А. И. Соболевскимъ снимка съ этого Евангелія.

именем „инсизъ“¹⁾). Поэтому священный текстъ, заимствованный изъ указанныхъ трехъ Евангелій, раздѣленъ нами на одиннадцать инсизъ такъ, что каждая инсиза славянскаго текста имѣетъ параллельно соответствующую ей инсизу въ двухъ греческихъ редакціяхъ. б) Знамена экфонетическаго изложенія помѣщаются какъ надъ текстомъ, такъ подъ нимъ, среди его и по бокамъ инсизъ²⁾. в) Не на каждомъ слогѣ ставится отдѣльный знакъ. г) Въ инсизѣ помѣщаются обыкновенно два знака — одинъ въ началѣ, а другой въ концѣ; но могутъ стоять и три знака. д) Обыкновенно инсиза начинается знакомъ, которымъ и оканчивается. Въ такомъ случаѣ по всей инсизѣ проходитъ нота, указываемая даннымъ знакомъ. Начальный тональный знакъ всякой инсизы проходитъ по инсизѣ до тѣхъ поръ, пока не естрѣтится другой тональный знакъ, указывающій на другую известную ноту ж) Знаки: . . . и + указываютъ на длительность, а остальные на известную ноту, исключая знакъ: ≡, указывающій лишь на известный отгвѣтокъ при неполненіи. з) Если инсиза начинается какимъ-либо изъ знаковъ . . . , ≡ или безъ всякаго знака, это значитъ, что по всей данной инсизѣ проходитъ нота предъидущей инсизы. (См. табл. на отдѣльн. листѣ).

Изъ вышеприведенныхъ одиннадцати славянскихъ Евангелійскихъ инсизъ съ нотами одиѣ (5 и 7) совершенно одинаковы по знаменамъ во всѣхъ трехъ приведенныхъ текстахъ, а потому мелодія ихъ одинакова³⁾ во всѣхъ трехъ редакціяхъ. Далѣе, мелодія нѣсколькихъ инсизъ, а именно: 5, 7, 8 и 11 воспроизводятъ мелодію тѣхъ же инсизъ греческаго Евангелія 985 г. Мелодія 2, 3 и 10 инсизъ одинакова съ мелодіей тѣхъ же инсизъ греческаго Евангелія 1033 г. Впрочемъ, 2 и 10 имѣютъ одинаковый тональный знакъ съ тѣми же инсизами Евангелія 985 г. Разница состоитъ только въ большей или меньшей длительности. е. задержкѣ на некоторыхъ слогахъ въ перечисленныхъ инсиз-

¹⁾ Своимъ терминологіей употребляемые здѣсь мелкіе члены обязаны французскому ученому Аббату-Ассизионцу музыка-археологу Jean Thibaut. См. его статью: „Le chant ekphonétique“ въ журналѣ: „Byzantinische Zeitschrift“, von Karl Krumbacher. Achte Band, Erstes Heft. 1899 г., стр. 122—147.

²⁾ Въ цитированномъ уже Евангеліи Святышаго Синода экфонетическія знамена помѣщаются только надъ текстомъ, чѣмъ обуславливается выработанныя самостоятельно въ Россіи правила экфонетической композиціи.

³⁾ Тональная нота, однако, 7 ой инсизы славянскаго текста не совпадаетъ съ тональной нотой параллельныхъ ей греческихъ инсизъ.

Экфонетическій текстъ Евангелійскихъ листовъ Свѣ. Публ. Библи. (№ 58) XI в.	Греческій экфонетическій текстъ изъ Евангелія Свѣ. Дух. Акад. № 5 1/2 л. 18) ²⁾ 985 г.	Греческій экфонетическій текстъ изъ Евангелія Свѣ. Дух. Акад. № 5 1/2 л. 276, 277) ³⁾ 1033 г.
1, [^] Потомъ же .	1) Ἐπειτα μετὰ ταῦτα	1) Ἐπειτα μετὰ ταῦτα
2, [^] и много усмириши +	2) λέγει τοῖς μαθηταῖς +	2) λέγει τοῖς μαθηταῖς +
3, [^] идиши въ иудейю пакы +	3) ἀγαγὼν εἰς τὴν Ἰουδαίαν	3) ἔγωγεν εἰς τὴν Ἰουδαίαν
4, [^] и много славы усмириши сло +	4) λέγουσιν αὐτῷ οἱ μαθηταῖ +	4) λέγουσιν αὐτῷ οἱ μαθηταῖ +
5, [^] равви . и и .	5) ραββί	5) ραββί
6, [^] и нѣтъ иже каже ка- жетъ побити иудейю	6) οὐκ ἔχουσιν σε λιθάσαι οἱ Ἰουδαῖοι	6) οὐκ ἔχουσιν σε λιθάσαι οἱ Ἰουδαῖοι
7, [^] и пакы ли идеши тамъ ≡	7) καὶ πάλιν ὁπάγεις ἐκεῖ ≡	7) καὶ πάλιν ὑπάγεις ἐκεῖ ≡
8, [^] отвѣщаю Иисусъ +	8) ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς +	8) ἀπεκρίθη ὁ Ἰησοῦς
9, [^] не два ли надесеи година сече съ двѣма	9) οὐκ ἔτι δύοδεκα ἔτη εἰσὶν ἔτι τῆς ἡμέρας ≡	9) οὐκ ἔτι δύοδεκα ἔτη εἰσὶ τῆς ἡμέρας ≡
10, [^] аиже кто ходитъ съ дне на поутѣхъ	10) εἰς τις περιπατεῖ ἐν τῇ ἡμέρᾳ οὐ προσκοπεί	10) εἰς τις περιπατεῖ ἐν τῇ ἡμέρᾳ οὐ προσκοπεί
11, [^] ако свѣтъ мира сего видитъ +	11) ὅτι τὸ φῶς τοῦ κόσμου τούτου βλέπει +	11) ὅτι τὸ φῶς τοῦ κόσμου τούτου βλέπει +

захъ, а не въ тональныхъ нотахъ. Напримѣръ, во 2-й инсизѣ славянскаго текста проходить тональный знакъ первой инсизы. Только на послѣднемъ слогѣ послѣдняго слова второй инсизы поставлены три точки, соответствующія нѣкоторой длительности, чего мы не видимъ въ параллельныхъ инсизахъ греческихъ Евангелій. Далѣе, въ третьей инсизѣ славянскаго текста замѣчаемъ опять тѣ же три точки на послѣднемъ слогѣ предпослѣдняго слова, а на второмъ съ конца слога того же слова 3-ей инсизы Евангелія 1033 г., начинающейся одинаковымъ тональнымъ знакомъ съ третьей инсизой славянскаго текста, повторенъ тотъ же тональный знакъ для означенія нѣкоторой длительности, исполняемой вибраціонно¹⁾. Въ десятой же инсизѣ, по которой проходить знакъ предыдущей инсизы, поставлены упомянутыя три точки какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ для означенія большей длительности по всей инсизѣ. Въ параллельной десятой инсизѣ обѣихъ греческихъ редакцій, хотя и проходить знакъ до слова *ἡμέρα*—*дне* включительно (инсиза эта въ указанныхъ греческихъ редакціяхъ подраздѣляется на двѣ инсизы: *ἕαν τις περιπατῆ ἐν τῇ ἡμέρα* = иште кто ходитъ во дне и, *ὅδὲ προσέειπε*, = не потъкнется; въ послѣдней инсизѣ разница въ тональности), но точекъ вовсе нѣтъ. Наконецъ, мелодія инсизъ 1, 4, 6 и 9 славянскаго Евангелія совершенно не подходятъ къ мелодіи тѣхъ же инсизъ въ вышеприведенныхъ греческихъ редакціяхъ, хотя мелодія указанныхъ инсизъ встрѣчаются въ греческихъ Евангеліяхъ, но въ разныхъ мѣстахъ.

Изъ всего вышезложеннаго, по нашему мнѣнію, вытекаетъ, во-первыхъ, то, что древнѣйшая славянская акфонетическая нотация въ начертаніи и числѣ знаменъ всецѣло воспроизводитъ греческую акфонетическую нотацию, а, во-вторыхъ, то, что въ русскомъ акфонетическомъ раснѣвѣ, хотя и списанномъ чрезъ болгарскій переводъ съ греческаго оригинала, переводчиками при переводѣ, повидимому, проявлена своего рода самостоятельность въ комбинаціи нѣкоторыхъ инсизъ. Впрочемъ, послѣднее могло бы случиться въ болгарскомъ переводѣ, съ котораго списано наше Евангеліе. Послѣднее положеніе о нѣкоторой долѣ самостоятельности въ комбинаціи инсизъ, проявленной славянскими —

¹⁾ Знакъ этотъ у византійцевъ называется *ορισταλῆ* (имѣющее свойство твнуть что-либо) отъ глагола *ὀρίζω* (тану, волоку, тяну). Отсюда вытекаетъ значеніе, такъ сказать, танутія или длительности, а отъ вишней волнистой его формы можно заключить о его исполненіи волнистымъ голосомъ — вибраціей.

русскими-ли, болгарскими-ли переводчиками въ экфонетическомъ распѣвѣ, должно на основаніи вышеназванной параллельной таблицы инсигъ пользоваться автентичностью до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное на основаніи подлиннаго греческаго оригинала, съ котораго могло бы быть списано чрезъ болгарскій переводъ русское Евангеліе XI в., жанкіе и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательные отрывки котораго укрѣпаютъ нынѣ рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки. Наконецъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что разбираемая мелодія славянскаго Евангелія XI в. въ общемъ ближе къ мелодіи греческаго Евангелія 985 г., нужно признать, что русскій переводчикъ имѣлъ передъ собою какую-либо изъ южно-славянскихъ копій X или IX вѣка.

II.

Переходимъ теперь къ вопросу о происхожденіи двухъ остальныхъ славянскихъ системъ нотнаго музыкальнаго письма—знаменной и кондакарной. Мнѣніи ученыхъ по изслѣдуемому вопросу разнорѣчны. Митрополитъ Макарій, напримѣръ, „склоняется болѣе къ мысли, что первыя пѣвческія книги въ Россіи были южно-славянскія“¹⁾, подразумѣвая, повидимому, подъ этимъ самостоятельно развитое церковное пѣніе у южныхъ славянъ. Протоіерей Д. В. Радумовскій пишетъ, что русская церковь отъ греко-славянскихъ пѣвцовъ „получила вполнѣ готовое пѣніе и, во всей полнотѣ его устройства, *готовую мелодію на безлинейныхъ нотахъ*“²⁾, при этомъ кондакарный распѣвъ, какъ уже выше сообщили, вазываетъ *греческимъ распѣвомъ*. По мнѣнію Ю. К. Арпольда „русская семантика строго развилась на основаніи 15 знаменъ Св. Ефрема Сиріна“³⁾. П. Вознесенскій относительно знаменнаго распѣва сообщаетъ слѣдующее: „По своему происхожденію и музыкальнымъ основаніямъ распѣвъ этотъ есть распѣвъ греко-славянскій, образовавшійся изъ древне-греческаго церковнаго пѣнія въ земляхъ славянскихъ и получившій тамъ свою особен-

¹⁾ Исторія Р. церкви, т. I, с. 70. Эту цитату, за невѣдѣніемъ подъ руками указаннаго сочиненія Митрополита Макарія, замѣствуемъ у С. В. Смоленскаго. См. „Азбука знаменнаго пѣнія“. Казань, 1888 г., стр. 32.

²⁾ „Теорія и практика церковнаго пѣнія“. Москва, 1886 г., стр. 43 и 83—84.

³⁾ „... la sémantique des Russes pour la notation de leur chant d'église s'est strictement développée sur la base des 15 signes de S-t Ephraïm...“. См. „Réponse au R. P. Missaël Missaëlidés Protopsalte de l'église de S-t Photinie à Smolgne“ (отд. брошюра), стр. 31.

ную систему нотныхъ знаковъ. Полное же свое мелодическое развитіе и видовыя отличія онъ получилъ въ Россіи отъ разныхъ пѣснопратителей, имена которыхъ нынѣ сокрыты для исторіи церковнаго пѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ (второй половины XVI и нач. XVII в.)“¹⁾. Наконецъ, по мнѣнію С. В. Смоленскаго, „знаменное пѣніе и письмо создано русскимъ умомъ и его же усиліями усовершенствовано до степени безукоризненнаго искусства“, а кондакарная нотация, „вѣроятно, не была достаточно самостоятельна и была вскорѣ изъята изъ употребленія за ея несовершенствами въ чемъ-либо“²⁾. Итакъ, каждый изъ ученыхъ музыко-археологовъ держится своего взгляда, болѣе или менѣе правдоподобнаго съ его точки зрѣнія.

Изъ этихъ противорѣчивыхъ мнѣній явствуетъ трудность рѣшенія поставленнаго вопроса, обусловливаемая скудостью наличнаго матеріала. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему вліянію греческаго пѣнія на славянское придается такое слабое значеніе, несмотря на лѣтописныя указанія на происхожденіе музыки у русскихъ, съ одной стороны, и на сохранившіеся въ русскомъ церковномъ пѣніи греческіе термины съ другой. Если мы перечислимъ здѣсь главныя основанія, по которымъ вышеозначенные изслѣдователи отвели греческому пѣнію такое мѣсто, то ихъ окажется три: во-первыхъ, принятіе сѣверными славянами своихъ музыкально-богослужебныхъ книгъ отъ южныхъ славянъ; во-вторыхъ, слабая теоретическая связь между русскимъ знаменнымъ письмомъ и древне-греческимъ, и наконецъ, самое главное,—отсутствіе греческихъ памятниковъ съ знаменами церковно-славянскихъ богослужебныхъ рукописей XI, XII, XIII и XIV вв. Такимъ образомъ, если будетъ доказана возможность существованія въ Россіи греческихъ музыкально-богослужебныхъ книгъ и таковыхъ въ переводѣ; даѣе, если объяснимъ странное явленіе слабой связи въ знакахъ между греческими и древне-русскими богослужебными книгами; наконецъ, если приведемъ достаточное количество греческихъ богослужебныхъ манускриптовъ IX, X, XI, XII и т. д. вв. съ тѣми самыми нотными знаками, съ какими наложены мелодіи пѣснопѣній древне-русскихъ бого-

¹⁾ „О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви“. Изд. второе. Рига, 1890 г., стр. 87.

²⁾ „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“. См. „Памятники древней письменности и искусства“, 1901 г., CXLV, стр. 27.

служебныхъ книгъ XI, XII, XIII и XIV вв., тогда мы можемъ быть увѣрены, что вопросъ о происхожденіи старинныхъ нотномызыкальныхъ знаковь у сѣверныхъ славянъ будетъ окончательно исчерпанъ.

Что текстъ большинства древнихъ пѣвческихъ книгъ русскихъ обязанъ своимъ происхожденіемъ южнымъ славянамъ, въ этомъ не слѣдуетъ сомнѣваться. Разъ славянская палеографія, особенно за послѣднее время, приобрѣла такъ много данныхъ для точнаго опредѣленія происхожденія, времени и мѣста написанія недатированныхъ памятниковъ, то намъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ достовѣрности ся научныхъ выводовъ. Древнѣйшіе русскіе памятники, каковы, напримѣръ, майская минея (XI в.) новгородской Софійской Библиотеки, стихирарь (XI в.) Императорской Публичной Библиотеки (прежде Толстовскій), стихирарь (1157 г.) московской Синодальной Библиотеки № 589, стихирарь (XI в.) Библиотеки Академіи Наукъ, извѣстная въ наукѣ рукопись XII в. подъ названіемъ „Праздники“ московской Синодальной Типографіи № 152 (эта рукопись, по словамъ А. И. Соболевскаго, есть прямой списокъ съ южно-славянскаго оригинала) и другіе подобныя имъ считаются списанными съ болгарскаго подлинника. Тѣмъ не менѣе, этимъ еще не исключается возможность принятія нотации этихъ пѣвческихъ книгъ въ Россіи прямо изъ Византіи. Слѣдуетъ признать должное довѣріе историческому свидѣтельству¹⁾ о происхожденіи музыки у русскихъ.

Степенная книга половинѣ XVI в. говоритъ слѣдующее „Вѣры ради Христолюбиваго Ирослава (т. е. въ 1053 г.) придоша къ нему отъ Царяграда боголюбиваеи три пѣвцы гречестин съ реди своими.

„Отъ нихъ же начать быти въ Русетѣи землѣ ангелоподобное пѣніе, порядное осмогласіе, пѣнаше же и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“. Безъ сомнѣнія, лица эти, пріѣхавъ въ Россію, привезли съ собою и книги, по которымъ могли бы исполнять свои церковно-служебныя обязанности. Въ числѣ этихъ книгъ были, очевидно, и нот-

¹⁾ Упомянутыя указанія о происхожденіи музыки у русскихъ въ настоящее время подвергаются сомнѣнію въ вѣнне цитированной книгѣ С. В. Смоленскаго „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 22—25, но, какъ увидимъ дальше, это — заблужденіе, жерновъ котораго съдѣлался г. Смоленскій

ныя книги¹⁾. Естественно поэтому предполагать, что книги эти служили образцомъ для составленія подобныхъ русскихъ книгъ, а такъ какъ музыкальные знаки, которыми изложены пѣснопѣнія въ этихъ книгахъ, не могли быть чѣмъ инымъ, какъ только знаками древне-знаменнаго и кондакарнаго распѣва, то ясно, что эти знамена употреблялись и въ Константинополѣ, откуда и перешли съ одной стороны къ южнымъ славянамъ, а съ другой, — къ русскимъ: непосредственно изъ Константинополя и посредственно черезъ южныхъ славянъ. Впрочемъ, греческій Есфигменскій ирмологій и русскій нижегородско-благовѣщенскій Кондакаръ одни могли бы послужить подтвержденіемъ вышеозначенныхъ свидѣтельствъ, ибо въ первомъ мы находимъ русскій знаменныи распѣвъ, а въ послѣднемъ сохранились цѣлыя греческія какъ кондакарныя, такъ и знаменныя пѣснопѣнія съ нотами, въ переводѣ и безъ перевода.

Вышеупомянутое странное явленіе слабой связи въ знакахъ между греческими и древне-славянскими музыкально-богослужебными манускриптами воиолѣ легко объясняется по изслѣдованіи древне-византійскихъ музыкально-богослужебныхъ памятниковъ. Тщательное, какъ мы полагаемъ, изслѣдованіе послѣднихъ дало намъ возможность констатировать слѣдующій несомнѣнный фактъ. Пѣснопѣнія греческихъ памятниковъ IX, X и XI вв., отчасти же XII, XIII и XIV вв., изложены тѣми самыми знаменами, какими именно изложены и пѣснопѣнія русскихъ памятниковъ XI, XII, XIII и XIV вв., это разъ. Во-вторыхъ, мелодіи греческихъ памятниковъ конца XI вѣка и вообще XII, XIII и т. д. вѣковъ до 1814 г. изложены такъ называемыми въ трактатахъ византійскихъ мастеровъ знаменами св. Іоанна Дамаскина, нѣсколько отличающимися отъ первыхъ. Наконецъ, пѣснопѣнія богослужебныхъ книгъ, явившихся на православномъ Востокѣ послѣ 1814 г., изложены вышѣ употребляемыми у грековъ, бол-

¹⁾ Такого же мнѣнія и протоіерей Д. В. Рауменовскій. „Первыи знаменныи распѣвъ“, — пишетъ онъ, — „пріняты русскою церковью отъ первыхъ греко-славянскихъ пѣвцовъ, взятыхъ св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ изъ Херсонеса Таврическаго. Греко-славянскіе пѣвцы привезли съ собою нотныя книги и по нимъ исполняли богослужебное пѣніе первоначально въ Кіевѣ, а потомъ въ Новгородѣ и Великомъ Рязовѣ“. См. „Теорія и практика“, стр. 42—43

гарь, румынъ знаменами, бывшими результатомъ реформы 1814 г.) по исправленію церковнаго пѣнія.

Такимъ образомъ вполне понятнымъ становится теперь то, почему музыкальные знаки древнѣйшихъ русскихъ богослужбныхъ книгъ мало подходятъ къ нотнымъ знакамъ греческой церкви, явившимся въ Византии, начиная съ конца XI и начала XII в., а тѣмъ болѣе къ нынѣшнимъ музыкальнымъ знакамъ той же церкви. Слѣдовательно, въ Византии съ конца XI в. начало получать новую форму нотное письмо. Какія же основанія имѣемъ мы искать въ этомъ послѣднемъ письмѣ ближайшей связи или тождества съ музыкальнымъ письмомъ, бывшимъ въ Россіи, гдѣ уже столѣтія два назадъ (т. е. съ X—XI в.) было распространено, безъ измѣненія своей первоначальной формы, древнѣйшее византийское музыкальное письмо? Основывающіеся на большемъ или меньшемъ различіи между знаками ново-греческими и древне-русскими совершенно игнорируютъ исторію развитія византийскаго музыкальнаго письма. Поэтому очень жаль, что г. Смоленскій, не ознакомившись предварительно съ этой исторіей, высказалъ въ своей недавней книгѣ: „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“ предположеніе, „что эфигменскій Ирмологъ есть памятникъ именно русскаго пѣнія, въ которомъ русскій запѣвъ и русскія знамена примѣнены къ греческому тексту“ (стр. 23). Намъ необходимо удѣлать нѣсколько времени на разборъ по частямъ основаній вышеизложеннаго мнѣнія г. Смоленскаго.

Въ первой главѣ вышецитированной книги (стр. 11) г. Смоленскій прежде всего ведаумываетъ: „совершенно“,—говоритъ,— „неизвѣстно, съ какихъ поръ болгары и румыны усвоили себѣ греческую нотацию, донынѣ существующую у нихъ съ древнихъ временъ. Неизвѣстно также, когда сербы создали свои запѣвы и выработали самостоятельное пѣвческое письмо, также донынѣ

¹⁾ Οι τρεις ὄδοι διδάξαντο, ὡς ἀνεφάνισαν ἐξαιρεταί τὰς τῆς νέας μεθόδου κατὰ τοὺς 1814, ὅς ἐξον τὰς τὰς ἀξιωματὰς (т. е. три учителя, когда появились въ качествѣ изобрѣтателей этой новой нотации отъ 1814 г., не предълагали подобныхъ претензій). См. „Ἐπιγραφικὸν μέγα τῆς ἰεροσολύμου συνταχθέν μεν παρὶ Χριστιανοῦ Ἀρχιεπισκόπου Διόσκοου τῶν ἐκ Μελιτῶν ἐκδοθέν δὲ ὑπὸ Πατριάρχου Γ. Πελοποννησίου“, ἐν Γερύσει, 1832 г., стр. 6 (въ предисловіи). Цитированная здѣсь книга является первымъ теоретическимъ руководствомъ по новой знаменной системѣ, составленнымъ однимъ изъ ея изобрѣтателей, а именно преосвященнымъ Хрисаномъ Диррахиѣскимъ. Настоящее руководство издано въ Триестѣ ученикомъ его автора Патриархомъ Г. Пелопоннесскимъ въ 1832 г.

существующее“. Далѣе, касательно связи русскаго знаменнаго письма и состава мелодій по отношенію къ греческому, болгарскому и сербскому знаменному письму и составу мелодій, продолжастъ: „Какъ ни несомнѣнна отдаленнѣйшая теоретическая связь нашего русскаго знаменнаго письма съ древне-греческимъ, все же она такъ слаба, что совершенно исчезаетъ въ массѣ русскихъ письменнo-музыкальныхъ знаковъ и приводитъ къ мысли о полной самостоятельности развитія русской нотации русскими силами. О составѣ мелодій греческихъ, болгарскихъ, румынскихъ, сербскихъ въ сравненіи съ древне-русскими, какъ кажется, нечего и говорить. Изслѣдованіе мелодій только подтверждаетъ полную ихъ несродность съ русскими запѣвами“ (стр. 11). Велѣдъ за этимъ, съ цѣлью доказать наглядно самостоятельность русскихъ знаменъ и древне-русскихъ запѣвовъ и отсутствіе ихъ родства съ знаменами и запѣвами южныхъ славянъ, г. Смоленскій приводитъ: „нотопечатью, вполне, однако, сохранившею“ — какъ онъ говоритъ, — „всѣ элементы древнихъ рукописныхъ нотаций“ (стр. 12), три примѣра (стр. 12, 13 и 14), „впрочемъ“ имъ взятыя изъ мелодій въ одинъ и тотъ же текстъ. Первый образецъ имъ взятъ изъ современной сербской церковной нотопечати. Второй примѣръ—изъ современной греко-болгарской церковной нотопечати. Третій же образецъ есть русское знаменное письмо XV вѣка, взятое изъ рукописи, хранящейся въ московскомъ Синодальномъ Училищѣ (№ 139). Послѣ нѣкоторыхъ объясненій по отношенію къ изложенію упомянутыхъ трехъ примѣровъ, г. Смоленскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Простое обозрѣніе всѣхъ трехъ снимковъ должно наглядно убѣдить въ полномъ несходствѣ всѣхъ трехъ системъ пѣвческихъ знаковъ и совершенномъ несходствѣ ихъ начертаній. Нижеслѣдующій нотный переводъ тѣхъ же 3-хъ примѣровъ, достаточно вѣрный въ области скудныхъ по выразительности 5-ти-линейныхъ нотъ, долженъ убѣдить и въ полномъ несходствѣ мелодій“ (стр. 15). Дѣйствительно, за этимъ слѣдуютъ три разныхъ перевода на современную итальянскую нотацию догматика „Прежде снѣ законная благодати пришедши“ (стр. 15—19), изложеннаго въ приводимыхъ г. Смоленскимъ трехъ примѣрахъ тремя совершенно разными другъ отъ друга знаменными системами. Сравнивая всѣ эти три перевода, г. Смоленскій находитъ, что „переводъ русскаго пѣвческаго текста изъ рукописи Синодальнаго Училища № 139, л. 124 об., прямо указываетъ на несравненно большую простоту

русского напѣва и совершенное несходство его съ напѣвами южными“ (стр. 18).

Конечно, мы были бы совершенно согласны съ вышеизложеннымъ, если бы г. Смоленскому предстояло рѣшить вопросъ лишь о сходствѣ или разлитіи, существующемъ между сербскимъ и болгарскимъ знаменнымъ изложеніемъ XIX в. на одинъ и тотъ же текстъ съ одной стороны, и русскимъ знаменнымъ изложеніемъ XV в. на тотъ же текстъ съ другой. Но такъ какъ вопросъ имъ поставленъ на историческую почву, то поэтому мы позволяемъ себѣ замѣтить прежде всего, что существующая у болгаръ и румынъ „съ древнихъ временъ“ нотация образовалась, какъ уже выше сообщили, изъ ново-византийской въ 1814 г., т. е. недавно, и была усвоена болгарамъ и другими вслѣдъ за этимъ временемъ, слѣдуя примѣру константинопольской церкви, въ церковно-административной зависимости отъ которой они находились¹⁾. Почтенный ученый жалѣетъ о томъ, что онъ, не предвидѣвъ въ свое время возможности написанія этой своей работы, не сдѣлалъ при своихъ поѣздкахъ на мѣстѣ снимковъ съ извѣстныхъ ему болгарскихъ и сербскихъ рукописей, и потому поневолѣ ему пришлось ограничиться „нотопечатью, вполне, однако, сохранившею все элементы древнихъ рукописныхъ нотаций“. Думается, что послѣ разъясненія о замѣтѣ съ давнихъ поръ болгарами первоначальной знаменной системы ново-византийской и недавности современной греко-болгарской нотации, сопоставленіе какъ болгарской нотопечати, такъ и болгарской рукописной нотации (т. е. ново-византийской) съ русской рукописной нотацией XV в. едва ли было бы удачнымъ. Далѣе, спрашивается, на какомъ основаніи г. Смоленскій сопоставляетъ мелодію болгарскихъ книгъ XIX в. съ русскою мелодіею на тотъ же текстъ XV вѣка? Кто можетъ ручаться за то, что мелодіи XIX в. — древнія мелодіи, а не про-

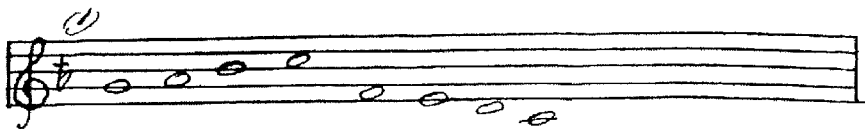
¹⁾ По этой же самой причинѣ болгары не преминули замѣнить, идя по стопамъ константинопольской церкви, первоначальную знаменную систему нововизантийской, о которой уже имѣли случай выше говорить, появившейся въ Византіи съ конца XI и начала XII в. и которую мы находимъ въ одномъ спискѣ Синодика Бориса XIV в., хранящимся въ болгарской Софійской Библиотецѣ. Спимокъ съ этого списка (съ нотами однако надъ греческимъ текстомъ) изданъ Аббатомъ Jean Thibaut при его статьѣ въ видѣ приложения: „La notation de St. Jean Damascène ou Hagiorolite“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“. Planché № 1.

изведеніе послѣдняго времени съ незначительною долей стариннаго элемента? Сравненіе между собою мелодій на одинъ и тотъ же текстъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, русской, сербской и болгарской, въ виду важности рѣшаемаго вопроса, по нашему мнѣнію, должно быть слѣдующаго рода: необходимо подыскать древнѣйшее русское знаменное изложеніе пѣснопѣнія, самостоятельность котораго (въ мелодіи или знаменахъ) предстоитъ доказать, и древнѣйшія знаменныя изложенія того же пѣснопѣнія въ сербскомъ и болгарскомъ знаменныхъ изложеніяхъ; короче сказать: русское, сербское и болгарское изложенія даннаго пѣснопѣнія должны быть приблизительно одного и того же времени и притомъ по возможности самыя древнія; послѣ этого сравняются (весьма осторожно) между собою мелодіи этого пѣснопѣнія, и отсюда дѣлается заключеніе, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу данныя мелодіи: не представляютъ ли собой (каждая въ отдѣльности) мелодіи нѣчто оригинальное, или не имѣютъ ли между собою чего-нибудь общаго, или, наконецъ, не представляютъ ли собою болѣе или менѣе вѣрныя копія съ одного и того же оригинала¹⁾? Если мелодіи во всѣхъ редакціяхъ одинаковы на самыхъ первыхъ порахъ, то съ теченіемъ времени онѣ могутъ значительно другъ отъ друга разойтись и дойти до неузнаваемости, но могутъ при нѣкоторомъ консерватизмѣ и долгое время оставаться нетронутыми.

Наконецъ, чтобы сопоставлять мелодіи на одинъ и тотъ же текстъ въ разныхъ редакціяхъ по переводамъ на современную нотацию, необходимо, чтобы переводъ изображалъ по возможности подлинную мелодію переводимаго, чего мы не наблюдаемъ у г. Смоленскаго, насколько дѣло касается по крайней мѣрѣ перевода греко-болгарскаго примѣра. Послѣдній воспользовался нотнымъ болгарскимъ переводомъ указаннаго греко-болгарскаго образца по книгѣ, такъ называемой „Воскресникъ“, изданной Теодоровымъ въ 1898 г., но не свѣрилъ заимствованный имъ переводъ съ приводимымъ имъ самимъ знаменнымъ греко-болгарскимъ подлинникомъ. Данный переводъ г. Смоленскаго по существу неправиленъ. Говоримъ по существу потому, что греко-бол-

¹⁾ Такую работу мы въ состояніи выполнить, не зная даже музыкальнаго смысла знаменъ. Такъ какъ нѣкоторая комбинація крюковъ обозначаетъ извѣстную мелодію, то мы можемъ сравнивать между собою одні комбинаціи знаменъ данныхъ литургическихъ текстовъ.

гарскій примѣръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется въ разбираемой книгѣ г. Смоленскаго, исполняется по второму такъ называемому хроматическому гласу, гамма котораго слѣдующая:

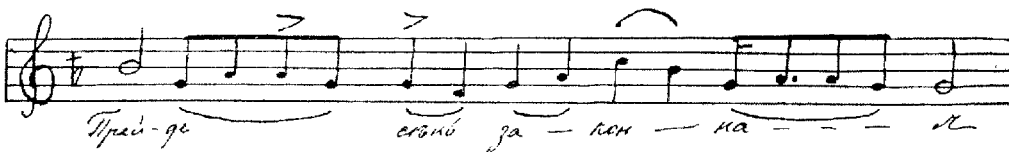

А заимствованный г. Смоленскимъ переводъ употребляетъ бемоль на ноту *si*, что по существу портитъ подлинную мелодію примѣра. Чтобы дать понять читателямъ, насколько заимствованный г. Смоленскимъ нотный переводъ не воспроизводитъ мелодіи подлинника, позволяемъ себѣ воспроизвести здѣсь только одну первую строчку давняго перевода г. Смоленскаго, прибавляя и подлинный переводъ той же строчки.

Предлагаемый г. Смоленскимъ переводъ:

Нашъ подлинный съ болгарскаго примѣра переводъ.

Выше нами сказано, что лишь съ конца XI в. въ Византіи начинаетъ являться такъ называемая нотация Дамаскина. Если ставить вопросъ, почему въ промежутокъ времени отъ XI до XII в. въ Византіи произошла такая реформа въ музыкальномъ письмѣ, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить двояко. Одни категорически

¹⁾ Знакъ въ ключѣ означаетъ четверть тона, или полъ-бемоль. Ср. у Л. А. Bourgault-Ducoudray: „Etudes sur la musique ecclésiastique grecque“. Paris, 1877 г., стр. 23—30.

утверждаютъ, что именно Св. Іоаннь Дамаскинъ въ VIII вѣкѣ изобрѣлъ эти нотные знаки въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются въ греческихъ богослужебныхъ книгѣхъ XII, XIII, XIV, XV и т. д. вѣковъ. Это — общепринятое мнѣніе, господствующее и понынѣ на православномъ Востоку среди грековъ и имѣющее свой источникъ въ нѣкоторыхъ трактатахъ по церковному пѣнію періода турецкаго. По мнѣнію другихъ, напри- мѣръ, греческаго ученаго доктора Γεώργιος¹⁾ и французскаго ученаго аббата Jean Thibaut²⁾, св. Іоаннь Дамаскинъ не изобрѣталъ музыкальныхъ нотъ, но что известная подъ его именемъ нотация была еще до Дамаскина въ употребленіи въ Палестинѣ и Сиріи, откуда быстро распространилась и въ концѣ концовъ совершенно вытѣснила своимъ превосходствомъ прежнее константинопольское (=русское знаменное) нотное письмо. Ни то, ни другое мнѣніе, какъ намъ кажется, невѣрно. Древнѣйшія греческія музыкально-богослужебныя рукописи показываютъ, что въ концѣ XI вѣка сдѣлана какая-то реформа въ церковно-музыкальномъ письмѣ православнаго Востока, главнымъ образомъ графическаго характера, аналогичная реформѣ греческаго письма, которое мало по малу измѣнилось, но основаніе котораго остается всегда однимъ и тѣмъ же. Съ конца XI в. является у византійцевъ новая нотация, впрочемъ, не утвердившаяся въ Россіи въ виду того, что тамъ окрѣпло прежнее церковно-музыкальное письмо. Доказательствомъ нашего положенія служатъ древнѣйшіе греческіе нотные памятники. Подобныхъ памятниковъ IX или X вѣка съ такъ называемыми дамаскинскими знаменами нигдѣ не существуетъ³⁾. Древнѣйшій образецъ подобнаго письма—это помѣщенный Mont-falcon⁴⁾ въ его „Palaeographia Graeca“ изъ Колбертинскаго кодекса, относимый къ концу XI вѣка. Необходимо здѣсь замѣтить, что между знаками упомянутаго образца встрѣчаемъ не только знамена новой системы, но и знаки предшествовавшей

¹⁾ Φιλολογικὸς Σχολαρχὸς. „Παρισσοῦς“ т. 6, вып. 6. Ἐκ Ἀθηνῶν, 1882 г., стр. 467.

²⁾ „Etude de Musique Byzantine. La notation de St Jean Damascène ou Hagiorite“. См. „Извѣстия Р. Археологическаго Института въ Константинополѣ. Софія, 1898 г. III, стр. 143.

³⁾ Кодексъ (№ 9) Библиотеки Коммерческой школы на островѣ Салтѣ, J. Thibaut въ своемъ этюдѣ: „La notation de St J. Damascène“ стр. 3 называетъ прекраснымъ образцомъ IX или X вѣка, но по словамъ палеографа-составителя каталога рукописей упомянутой библиотеки Ае. И. Панадопуло-Керамевсъ, указанный памятникъ относится къ концу XII и началу XIII вѣка.

⁴⁾ „Palaeographia Graeca“. Parisiis, 1708, стр. 357.

нотации, напр.: = (статую), = (мрачную), = (свѣтлую), / (стрѣлу) и др., что служить явнымъ доказательствомъ несовершенства и неустойчивости лишь недавно начавшаго образовываться новаго нотнаго письма. Между тѣмъ музыкальные памятники XII и послѣдующихъ вѣковъ представляютъ изъ себя систему знаковъ вполне устойчивую и совершенную, устроенную по известнымъ правиламъ. Въ ней статія и стрѣлы, равно какъ и большинство прочихъ знаковъ прошлой системы, или совершенно отсутствуютъ, или получили иную форму при старомъ основаніи, и иное музыкальное значеніе, что служить доказательствомъ выдѣленія вновь образовавшейся системы изъ предыдущей. Такимъ образомъ, XII вѣкъ и особенно вторая его половина должны служить главнымъ пунктомъ для появленія совершенной такъ называемой дамаскинской нотации. Древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ съ новой законченной нотацией является, насколько намъ известно, отрывокъ изъ Октоиха, хранящійся въ Имп. Публичной Библиотекѣ подъ № 360, съ датой 1177 г. Явившись во всемъ своемъ совершенствѣ, новое нотное письмо быстро распространяется по всей Византийской имперіи, такъ что въ самомъ непродолжительномъ времени успѣваетъ въ корнѣ вытѣснить прежде существовавшую знаменную систему. Такимъ образомъ новое нотное письмо дѣлается на православномъ Востоку господствующимъ и продолжаетъ существовать какъ у грековъ, такъ и у южныхъ славянъ и у румынъ до 1814 г. Доказательствомъ господства въ Византии за указанный періодъ вновь образовавшагося музыкальнаго письма служитъ цѣлая серія музыкально-богослужебныхъ памятниковъ, хранящихся въ разныхъ библиотекахъ Запада и Востока. Изъ известныхъ намъ и нами послѣдованныхъ датированныхъ рукописей мы указываемъ хранящіяся въ Имп. Публичной Библиотекѣ подъ №№ 360 (1177 г.), 439 (1236 г.), 364 (1292 г.), 368 (1299 г.), 121 (1301 г.), 371 (1309 г.), 366 (1321 г.), 441 (1333 г.), 440 (1374 г.), 436 (1376 г.), 442 (1434 г.), 126 (1489 г.), 443 (1575 г.), 499 (1674 г.), 500 (1689 г.), 135 (1699 г.), 139 (1752 г.), 501 (1754 г.), 444 (1780 г.). Подобныхъ недатированныхъ памятниковъ въ той же библиотекѣ еще больше; изъ нихъ мы указываемъ, опредѣляя по возможности ихъ дату: №№ 227 (XII в.), 229 (XII в.), 230 (XII в.), 354 (XII в.), 356 (XII в.), 365 (XIII в.), 367 (XIII в.), 369 (XIII в.), 427 (XIII в.), 494 (XIV в.), 495 (XIV в.), 40 (XV в.), 493 (XV в.), 126 (XV в.), 497 (XV в.), 435 (XV—XVI в.), 496 (XVI в.), 136 (XVI—XVII в.), 193 (XVII в.), 498 (XVII в.),

137 (XVII в.), 237 (XVII—XVIII в.), 188 (XVII—XVIII в.), 132 (XVIII в.), 133 (XVIII в.), 130 (XVIII в.), 203 (XVIII в.), 134 (XVIII—XIX в.), 239 (XVIII—XIX в.).

Въ 1814 г. въ Константинополь, по распоряженію патріарха Кирилла VII были созваны соборъ¹⁾, на которомъ наряду съ духовенствомъ засѣдали и знатнѣйшія лица изъ свѣтскихъ греческаго народа. На засѣданіяхъ были тщательнo рассмотрѣны и утверждены результаты стараній важнѣйшихъ головщиковъ (протопсалтовъ) и музыкологовъ тогдашняго времени (Хурмузіа Хартофилакса, Григорія Протопсалта и архимандрита Хрисанова, впоследствии—1819 г. архіепископа Дирахійскаго) по исправленію церковнаго пѣнія, изученіе котораго со времени паденія Константинополя, въ силу разныхъ притѣсняющихъ обстоятельствъ, начавъ постепенно отодвигаться на задній планъ, стало наконецъ невозможнымъ вслѣдствіе полнаго забвенія и утраты музыкальнаго значенія нѣкоторыхъ нотныхъ знаковъ. Результатомъ стараній вышеупомянутыхъ трехъ лицъ была коренная реформа, впрочемъ обобщительнаго характера, въ вѣчномъ музыкальномъ письмѣ, и какъ переводъ старыхъ мелодій на представленную новую знаменную систему, такъ и систематизація строгой музыкальной теоріи. Произведенное обобщеніе въ нотномъ письмѣ состояло въ устраненіи большинства знаковъ прежней знаменной системы и оставленіи лишь самыхъ необходимыхъ знаменъ; такъ что изъ 61 знаковъ старой системы принято лишь 22 знамени, кромѣ феоуръ и ключевыхъ знаковъ-матрій. Въ эту систему вошли и новые знаки (αἱ χρωματικαὶ φθοραὶ) турецко-арабско-персидскаго пропехожденія для разнообразныхъ модуляцій хроматическихъ гаммъ, какъ, напр., мустахаръ, нисабуръ, хисаръ

¹⁾ «Οὗτοι (изобрѣтатели новаго нотнаго письма) ἀφ' οὗ πρώτον καθιέρωσαν εἰς κανόνας τὴν Μουσικὴν, εἰδοποιήσαν ἀμέσως τὸ Κοινὸν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας καὶ ἐπίτηδες διὰ τοῦτο Ἱερᾶς Συνόδου ἐπὶ τῆς Πατριαρχείας Κορίλλου XII, τοῦ ἐξ Ἀνδριανουπόλεως γενομένης, συνεδριαζόντων καὶ τῶν ἐπιφανεστέρων τοῦ Γένους, ἐπροβλήθη τὸ νέον τοῦτο ἐφεύρημα. Καταπισθεῖσα δὲ ἡ Σύνοδος ἀπὸ τῶν ἰσχυρῶν λόγων καὶ τῶν βεβαίαι ἀποδείξεις τῶν τριῶν Μουσικῶν διδασκάλων, περὶ τοῦ κανονισμοῦ τῆς τέχνης (ἐπειδὴ κατ' ἀρχὴν θεωρεῖτο ὅτι τὰ ταῦτα οἱ διδάσκαλοι ἐξήτουν νὰ καινοτομήσουν τὴν ἱερὰν Ψαλμωδίαν) ἐθέσπισαν, ἵνα ὁ μετὰ Γρηγόριος ὁ Λαμπάδριος καὶ Χουρμούζιος Γεωργίου παραδώσει τὸ Πρακτικὸν μέρος τῆς Ἐκκλησιαστικῆς Μουσικῆς, ὁ δὲ Ἀρχιμανδρίτης Χρῆσανθος, τὸ Θεωρητικὸν μέρος αὐτῆς. См. «Θεωρητικὸν μέρος τῆς μουσικῆς», стр. 6 (въ предисловіи).

и др. Далѣ, въ эту систему вошло частое употребленіе ключевыхъ знаковъ или мартирій, существованіе которыхъ (въ другомъ видѣ) въ древнѣйшихъ греческихъ памятникахъ первой системы хотя составляетъ рѣдкое явленіе, но все же имѣется въ не меньшей долѣ, чѣмъ въ древне-русскихъ памятникахъ знаменнаго расцѣва.

Недавно, когда представилась намъ возможность заняться въ рукописномъ Отдѣленіи Императорской Публичной Библиотеки изслѣдованіемъ византійскихъ музыкальныхъ памятниковъ Порфирьевской коллекціи, собранной въ библиотекахъ греческаго Востока, намъ посчастливилось найти между сотнями таковыхъ девять рукописей на пергаментѣ (изъ коихъ одна на пергаменномъ палимпсестѣ) весьма цѣнныхъ съ точки зрѣнія исторіи русскаго и византійскаго пѣнія¹⁾. Памятники эти²⁾ относятся къ довольно отдаленному періоду, а именно: къ IX—X, X, XI, XII и XIV в.в., а пѣснопѣнія въ нихъ изложены такими же крюками, т. е. музыкальными знаками, какими и пѣснопѣнія, встрѣчаемая въ древне-

¹⁾ Кстати, считаемъ себя обязанными искренно поблагодарить здѣсь заведующаго рукописнымъ отдѣленіемъ СПБ. Имп. Публ. Библиотеки Ив. Ае. Вычкова и его помощника В. В. Майкова за оказанныя намъ услуги и ихъ любезность, съ которой намъ доставили матеріалъ во время нашихъ тамъ зачатій. Также не менѣ благодарны мы за подобныя услуги бібліотекарю СПБ. Духовной Академіи Алексѣю Степановичу Родосскому, бібліотекарю рукописнаго отдѣленія Академіи Наукъ Всеволоду Назайловичу Орезневскому, бібліотекарю Московской Синодальной Библиотеки Николаю Петровичу Попову и бібліотекарю Московской Синодальной Типографіи Алексѣю Алексѣевичу Покровскому.

²⁾ Въ каталогъ: „Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшаго Пресвященному Порфирію, нынѣ хранящагося въ Имп. Публичной Библиотецѣ“ С.-Петербургу. 1885 г., стр. 125—128, открытія нами рукописи описаны слѣдующимъ образомъ: № 351. Отрывокъ изъ Минеи служебной мартовской, съ нотными знаками на стихирахъ (конецъ службы св. Никону Сидлійскому (23-го числа), служба предшественству Благовѣщенія и Кириллу, еп. Католическому, въ Сициліи (24-го числа) и начало службъ въ день Благовѣщенія (25 числа), строчнаго письма XI—XII (собственно XI в.) вѣка въ два столбца, въ листѣ, 2 листа.

№ 352. Отрывокъ изъ Минеи служебной ноябрьской, съ нотами на стихирахъ, службъ св. великомученику Минѣ (11-го ноября), въ началѣ помѣщена изъ Синаксаря краткая его память; св. Іоанну Милостивому (12-го ноября), въ концѣ краткая память о немъ изъ Синаксаря; свв. мученикамъ Антонию, Никифору, Зевину, Герману и Маисевъ (Михаѣ) (12-го ноября) и св. Іоанну Златоустому (13-го ноября), строчнаго письма XI—XII (соб. XI в.) вѣка

русскихъ богослужебныхъ памятникахъ XI, XII, XIII и XIV в.в. Двѣ изъ нихъ даже датированы, такъ что нельзя сомнѣваться въ ихъ глубокой древности. Первая (№ 362) написана какимъ-то Стефаномъ Доместикомъ въ 999 г. (6507 л. отъ сотворенія міра, т. е. 54 года до принятія, по указанію Степенной Книги, русскими своего церковнаго пѣнія изъ Константинополя; а вторая (№ 372)—въ 1350 г. Остальныя рукописи не датированы, но по палеографическимъ признакамъ одна относится къ IX или X вѣку (№ 557), остальные къ X (№№ 361 и 363), XI (№№ 351, 352 и 357) и отчасти XII вѣку (№ 358). Упомянутая рукопись съ датой 1350 г.—палимпсестъ; а изъ ея даты видно, что, хотя такъ называемое древне-русское знаменное письмо прекратило свое существованіе въ Византіи съ конца XI вѣка, тѣмъ не менѣе не переставало быть въ практикѣ у пѣвцовъ до XV вѣка, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Византійской имперіи. Желаящій теперь убѣдиться въ справедливости нашихъ доказательствъ можетъ сопоставить знамена любой русской знаменной рукописи

въ два столбца, въ листѣ, 2 листа. (Изъ нижней бібліотеки лавры Саввы Освященнаго.

№ 357. Листъ изъ Тріоди постной, съ нотными знаками на стихирахъ (изъ службы утренней въ Великую субботу), строчнаго письма XI вѣка, въ 4-ю д. л. (Синай).

№ 358. Отрывокъ изъ Тріоди цвѣтной, съ нотными знаками на стихирахъ (изъ службы въ недѣлю о слѣдомъ, въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ (Вознесеніе Господне) той же седмицы), строчнаго письма XII вѣка въ два столбца, въ листѣ, 2 листа. (Изъ монастыря Симонопетрскаго на Афонѣ)

№ 361. Отрывокъ изъ Пролога съ нотными знаками, строчнаго письма X—XI (соб. X в.) вѣка, въ 4-ю д. л., 2 листа (Афонъ).

№ 362. Листъ изъ Стихираря, съ нотными знаками (стихиры св. великомученицъ Варвары—4-го декабря), строчнаго письма 999 года, въ 4-ю д. л. Имѣется рисованная карминовою заставка.

№ 363. Листъ изъ Стихираря, съ нотными знаками (конецъ стихиръ св. первомученицъ Феклы (24-го сентября), стихиры препод. Пафутію и дочери его препод. Евфросиніи Александрійской (25 сентября) и начало стихиръ св. Іоанну Богослову (26-го сентября), строчнаго письма XI (соб. X в.) вѣка, въ листѣ. (Синай).

№ 372. Листъ, содержащій отрывокъ богослужебныхъ пѣснопѣній, на нотахъ строчнаго письма 1350 г., въ 16-ю д. л. Палимпсестъ. Видны слѣды уставнаго письма IX вѣка.

№ 557. Отрывокъ изъ Пролога, состоящій изъ 16-ти листовъ съ ирмосами третьяго гласа на нотахъ, строчнаго письма IX—X-го вѣка, въ 4-ю д. л. (№ 557 не относится къ рукописямъ Порфирьевской коллекціи).

XI, XII, XIII и XIV вв. съ знаменами выше упомянутых манускриптовъ.

Къ числу нами открытыхъ греческихъ музикально-богослужбныхъ книгъ съ такъ называемымъ древне-русскимъ знаменнымъ письмомъ надо причислить еще три Ирмологіи, открытыя профессоромъ Петербургскаго Университета Аеоносиемъ Ивановичемъ Пападопуло-Керамевъ во время своихъ научныхъ путешествій на Востокъ. Изъ нихъ два находятся въ Аеоонской Лаврѣ, а третій въ Иерусалимской библиотекѣ. Последний Ирмологій относится къ X вѣку и числится какъ 83-ий кодексъ собранія рукописей Лавры святого Саввы. Къ этимъ присовокупляемъ и недавно открытую академикомъ и директоромъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь Ѡ. И. Успенскимъ въ Охридской Митрополичьей библиотекѣ при церкви святого Климента Трїодъ X или XI в.

Снимокъ съ этой Трїоди помѣщенъ аббатомъ Jean Thibaut въ видѣ приложенія къ его статьѣ, напечатанной на французскомъ языкѣ: „La notation de St Jean Damascène ou Agiopolite“¹⁾. Если мы присоединимъ сюда двѣ рукописи съ подобными знаками, отмѣченныя J. Thibaut въ вышеупомянутой его статьѣ²⁾, упомянутыя выше есфигменскій Ирмологій, 6 листковъ изъ Постной Трїоди XII в. съ тропарями, хранящихся въ Московской Синодальной Библиотекѣ (№ 217), наконецъ четыре образчика съ такой нотацией изъ рукописей X, XI, XII и XIII вв. Вѣнской Библиотекки, помѣщенныхъ въ 1774 г. Gerbert'омъ въ его сочиненіи „De cantu et musica sacra“ (tab. VI et VII), то мы увидимъ, что число таковыхъ рукописей не оставляетъ намъ желать ничего больше для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи въ глубокой древности у византійцевъ такъ называемого древне-русскаго знаменнаго письма, а слѣдовательно, во всецѣломъ заимствованіи славянами у византійцевъ своей перво-

¹⁾ „Извѣстія Русскаго Археологическаго Института“, Софія, 1898 г. III, № 2 (въ приложеніи. Ср. также отд. оттискъ. Planche № 2).

²⁾ Документы эти сообщены Jean Thibaut: первый аббатомъ ассомпционистомъ Августинскаго ордена о. Теописомъ, а второй—профессоромъ болгарскаго Софійскаго Высшаго училища В. Цоневымъ.

начальной знаменной системы¹⁾. Можно также сказать, что, быть можетъ, и многіе другіе подобныя памятники хранятся въ западныхъ и восточныхъ библиотекахъ, ожидая своихъ изслѣдователей. При этомъ надо имѣть въ виду, что всѣ вышеупомянутыя манускрипты происходятъ изъ разныхъ мѣстъ православнаго Востока, откуда мы можемъ заключить, что такъ называемая древне-русская знаменная система была распространена по всей Византійской имперіи, а не въ одномъ только Константинополѣ, какъ учить насъ аббатъ Jean Thibaut²⁾.

III.

Переходя теперь къ вопросу о происхожденіи кондакарнаго распѣва, мы должны прежде всего считаться съ мнѣніемъ г. Смоленскаго, признающаго несостоятельнымъ извѣстное указаніе Степенной книги „о прибытіи трехъ пѣвцовъ грековъ съ ихъ семьями, положившими начало русскому пѣвческому искусству“. Въ Степенной книгѣ явчится: „Вѣры ради христіюлюбиваго Ярослава, придоша къ нему отъ Царяграда богоподвизаемы три пѣвцы гречестіе съ роды своими. Отъ нихъ же начать быти въ Русскѣй землѣ ангелоподобное пѣвіе, изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣвіе“. По мнѣнію г. Смоленскаго, „если разобраться въ этой записи, то получаются слѣдующія подробности: 1) слова „отъ нихъ же начать быти“ пѣвіе 4-хъ родовъ (а не 6) могутъ означать, что пѣвіе съ половины XI в. либо было начато, либо, по крайней мѣрѣ, приведено въ порядокъ именно этими прѣзжими „съ роды своими“ пѣвцами-греками. Но такому утвержденію прямо противорѣчитъ наличность системы имѣющихся у насъ древнихъ рукописей, несомнѣнно русскихъ, и полная, очевидная надобность допустить существованіе русскаго пѣвія со времени крещенія Руси, и даже гораздо древнѣе. 2) Пѣвіе, по

¹⁾ Не мѣшаетъ обратить вниманіе читателей и на то обстоятельство, что открытыя нами пѣвческія памятники по содержанію относятся не къ одному какому-нибудь роду пѣвческихъ книгъ—что могло бы дать поводъ къ разнымъ толкамъ,—а принадлежатъ къ различнымъ богослужбнымъ книгамъ, такъ какъ въ числѣ ихъ значатся: Ирмологія, Трїоди (Постная и Цвѣтная) Стихирари и Минен.

²⁾ „Извѣстія Р. Археолог. Инст.“, Софія, 1898 г. III, стр. 143, (см. также отд. оттискъ, стр. 6: „La première (notation) que j'appellerai Constantinopolitaine, à cause de son lieu d'origine, fut spécialement en usage à Constantinopolitaine“).

указанію Степенной книги, раздѣляется ясно на 2 рода, по 2 вида въ каждомъ: а) на пѣніе ангелоподобное и на изрядное осмогласіе, то-есть, пѣніе на подобны и пѣніе осмогласное (то-есть, малый и большой знаменный распѣвы), или пѣніе уставное; затѣмъ б) *напаче же*, то-есть, особо выдѣляемое, въ уставное пѣніе: „трисоставное сладкогласованіе“ (3-хъ-голосное?), содержаніе котораго вполнѣ неизвѣстно, и „самое красное демественное пѣніе“—вѣроятно отчасти возродившееся потомъ въ донныя живомъ демествѣ. Достоинво вниманія прежде всего то, что здѣсь нѣтъ упоминанія о *кондакарномъ* пѣніи, котораго, безъ сомнѣнія, лѣтописецъ не могъ не знать, тѣмъ болѣе, что едва ли есть возможность сколько-нибудь счесть „трисоставное сладкогласованіе“ за кондакарное пѣніе, какъ извѣстно, не имѣющее въ себѣ ничего трисоставнаго¹⁾. Прежде всего „такому утвержденію“, т. е., что пѣніе было начато прѣзкими пѣвцами или приведено въ порядокъ, вовсе не „противорѣчитъ вѣдѣность системы имѣющихся у насъ древнихъ рукописей, несомнѣнно русскихъ“, если имѣть въ виду, что существующіе надревнѣйшіе русскіе нотные памятники XI и XII вв., разсматриваемые съ палеографической точки зрѣнія, ничто иное, какъ списки съ южнославянскихъ образцовъ, списанные съ послѣднихъ для употребленія въ церковной практикѣ. Съ другой стороны, русскихъ пѣвческихъ рукописей по крайней мѣрѣ X в., которыя могли-бы служить „очевидной наглядностью допустить существованіе *русскаго пѣнія* со времени крещенія Руси, и даже гораздо древнѣе“, вовсе нѣтъ: да и существующіе нотные памятники, какъ уже выше указано, ничего въ пользу мнѣнія г. Смоленскаго не говорятъ. Поэтому можно сказать лишь одно, что въ теченіе 65 лѣтъ со времени крещенія Руси до прибытія трехъ пѣвцовъ грековъ—въ силу необходимости исполнять церковныя богослуженія съ пѣніемъ успѣло, надо полагать, быть составлено исключительно для русскихъ достаточное количество пѣвческихъ книгъ по образцу, болѣею частью для удобства, южно-славянскихъ и частью греческихъ. Но такое, вѣроятно, музыкально-пестрое (вслѣдствіе переводовъ) пѣніе безъ омытыхъ и нарочито подготовленныхъ пѣвцовъ нельзя назвать строго-систематизированнымъ. Для этой цѣли потребовалась бы умѣлая рука. Кромѣ того, бывшее въ Россіи до прибытія трехъ пѣвцовъ-грековъ пѣніе, надо полагать, было

¹⁾ „О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ“, стр. 23 и 24.

самое простое, т. е. пѣніе ново-просвѣщенныхъ людей, недавно увидавшихъ свѣтъ истины и первый разъ взявшихся за исполненіе церковно-христіанскихъ пѣснопѣній. Слѣдовательно, это пѣніе не могло быть чѣмъ инымъ, какъ только простымъ, самымъ элементарнымъ, невystупающимъ за предѣлы своего назначенія. Поэтому до прибытія пѣвцовъ-грековъ такое пѣніе вообще не могло быть ангелоподобнымъ, т. е. стройнымъ пѣніемъ, подобнымъ ангельскому, а въ частности изрядно-осмогласнымъ, или трисоставнымъ сладкогласованіемъ, или демественнымъ, что предполагаетъ вѣковой трудъ многихъ поколѣній, дабы оно стало таковымъ, каковымъ было принесенное при Ярославѣ тремя греческими пѣвцами пѣніе изъ Византіи, гдѣ искусство пѣнія вообще и въ частности—церковнаго достигло своего апогея. Такимъ образомъ, если Степенная книга упоминаетъ о прибытіи трехъ пѣвцовъ-грековъ, не надо удивляться тому, что послѣдніе, поселившись въ Россіи съ своими семьями, насадили тамъ и византійское церковно-музыкальное искусство въ его широкихъ размѣрахъ въ видѣ строго-систематизированнаго осмогласія, трисоставнаго сладкогласованія (кондакарнаго) и самаго красиваго—демественного (асматическаго).

По мнѣнію г. Смоленскаго, Степенная книга различаетъ 2 родовъ пѣніе по 2 вида въ каждомъ: а) „пѣніе ангелоподобное и изрядное осмогласіе, то-есть, пѣніе на подобны и пѣніе осмогласное (то-есть, малый и большой знаменный распѣвы), или пѣніе уставное; б) *напаче же*, то-есть, особо выдѣляемое, въ уставное пѣніе: „трисоставное сладкогласованіе“ (3-хъ-голосное?)—содержаніе котораго вполнѣ неизвѣстно, и „самое красное демественное пѣніе“—вѣроятно, отчасти выродившееся потомъ въ донныя живомъ демествѣ“. По нашему мнѣнію, г. Смоленскій и здѣсь неправъ, такъ какъ выраженіемъ „ангелоподобное пѣніе“ Степенная книга указываетъ на общій характеръ принесеннаго пѣнія. Иными словами, Степенная книга хочетъ сказать, что только со времени прибытія въ Русь трехъ пѣвцовъ-грековъ пѣніе начало быть ангелоподобнымъ, т. е. пѣніемъ, подобнымъ ангельскому пѣнію, пѣніемъ стройнымъ, не безпорядочнымъ, а же „пѣніемъ на подобны“, такъ какъ въ противномъ случаѣ Ст. книгѣ по необходимости пришлось бы упомянуть о всѣхъ уставныхъ терминахъ серіи церковныхъ пѣснопѣній. Съ другой стороны, послѣ этого общаго указанія на принесенное пѣніе, идетъ разъясненіе, гласящее, что это ангелоподобное пѣніе состоитъ

въ изрядномъ осмогласіи, трисоставномъ сладкогласованіи и самомъ красномъ (красивомъ) демественномъ пѣніи. Слѣдовательно, Ст. книга здѣсь различаетъ *только трихъ родовъ пѣніе*: а) изрядное осмогласіе, б) трисоставное сладкогласованіе и в) демественное пѣніе. Теперь вопросъ въ томъ, что подразумѣвать подъ каждымъ изъ этихъ родовъ. Что касается перваго рода, то согласимся, что тутъ разумѣется осмогласное пѣніе, изложенное извѣстными простыми крюками знаменнаго распѣва, безъ какихъ нибудь украшеній, и заключающееся въ уставныхъ книгахъ: октоихъ, минеяхъ, тріодяхъ, ирмологяхъ ¹⁾, стихирахъ и др. Подъ трисоставнымъ нужно понимать кондакарное пѣніе. Кондакарный распѣвъ состоитъ изъ трехъ строчекъ: въ верхней помѣщаются большія знамена, изъ конхъ большая часть суть буквы греческаго алфавита; во второй строкѣ находится главнымъ образомъ греческіе просодійные знаки, мелкіе по раамѣрамъ, хотя среди нихъ также можно встрѣтить и большія знамена; наконецъ, въ третьей строкѣ, гдѣ помѣщается текстъ, находимъ среди его такъ называемыя мартиріи. Такимъ образомъ видно, что въ кондакарномъ распѣвѣ есть нечто трисоставное, что оно состоитъ изъ трехъ частей и, слѣдовательно, ему одному и приличествуетъ названіе „трисоставнаго“. Если Ст. книга не упоминаетъ особо о кондакарномъ пѣніи, то нѣтъ у насъ мотивовъ уличать ее въ неполноту, такъ какъ она трисоставнымъ называется то, что принято называть кондакарнымъ пѣніемъ. Последнее называется еще „сладкогласованіемъ“, что значитъ сладкое или пріятное согласованіе голосовъ, т. е. гармоничное пѣніе. Подъ демественнымъ пѣніемъ нужно понимать кондакарно-знаменно-пѣніе, состоящее какъ изъ знаменъ кондакарныхъ, такъ и изъ знаменъ знаменнаго распѣва (много знаменныхъ комбинацій не встрѣчается въ обыкновенномъ знаменномъ пѣніи) и сохранив-

¹⁾ С. В. Смоленскій, послѣ внимательнаго изученія всѣхъ 8 Севастьяновскихъ страницъ, предлагаетъ, „что эфигменскій Ирмологъ есть памятники именно русскаго пѣнія, въ которомъ *русскія напѣвы* и русскія знамена примѣнены къ греческому тексту“ (стр. 21—22), откуда видно, что г. Смоленскій сопоставилъ не только знамена, но и напѣвы упомянутаго ирмолога съ соответствующими напѣвами славянскихъ богослужебныхъ книгъ; „нѣкоторыя знаменныя совпаденія напѣва въ эфигменскомъ Ирмологѣ—пишетъ г. Смоленскій—съ изложеніемъ тѣхъ же ирмосовъ въ древнѣйшихъ русскихъ рукописяхъ все же имѣются налицо“ (стр. 20). Отдавая справедливость заслугамъ почтеннаго автора, слѣдуетъ признать, что вмѣстѣ съ знаменами русскими были замѣтованы изъ Византіи и церковныя знаменныя напѣвы.

шея отчасти въ кондакаряхъ и особенно въ нижегородско-благовѣщенскомъ кондакарѣ Имп. Публ. Библиотеки. Такъ какъ подъ симъ знаменемъ извѣстно намъ преимущественно изложеніе асматическихъ богослуженій, о которыхъ особо говорить Симеонъ Фессалоникійскій (объ асматическомъ пѣніи, какъ о самостоятельномъ распѣвѣ, то *ἀσμα*, указанія можно встрѣтить какъ въ трактатахъ византійскихъ мастеровъ, такъ и въ сочиненіяхъ Святыхъ Отцовъ и свѣтскихъ писателей); поэтому это знамя мы будемъ называть впредь асматическимъ. Асматика и другія пѣснопѣнія, изложенныя тѣмъ же знаменемъ, исполняются весьма протяжно, имѣютъ массу украшеній, кондакарные припѣвы, однимъ словомъ, трудноисполнимы голосомъ и изложены одногласно, для одного пѣвца. Такая характеристика асматическаго пѣнія заставляетъ признать, что оно при исполненіи нуждалось въ наличности искуснаго опытнаго пѣвца. Таковымъ у византійцевъ является *δομέστικος*¹⁾. Отсюда понятно, что это пѣніе получило названіе „демественное“ отъ его исполнителя доместика²⁾. Доказательствомъ того, что подъ демественнымъ пѣніемъ нужно разумѣть асматическое пѣніе, служитъ еще то обстоятельство, что въ извѣстномъ намъ всѣмъ демествѣ сохранились и асматическія части; напр., пѣснопѣніе: „на рѣцѣ вави-

¹⁾ Кто такой былъ *δομέστικος* и въ чемъ состояли его обязанности, обо всемъ этомъ Іоаннъ, епископъ Кипрскій (см. Resp. ad Cabasilam, p. 330), говоритъ слѣдующее: „*ἢ τοῦ δομῆστικῶς δὲ προσήγορα, κατὰ Λατίνους, τὸν ἐξάρχοντα τὸν προηγουμένον, τὸν ἐπιστάτην ὀνομαζομένον. . . κατὰ τὸν αὐτὸν ὃν λόγον καὶ ταῖς ἐκκλησιαστικαῖς τάξεσι δομῆστικὸς λέγεται, εἰς οὗν ἀρχῆδος, καὶ ἐπιστάτης τῶν μελωδιῶν τε καὶ τῶν μελωδῶν, οἷον εἰς ῥῆθμόν καὶ τὰς καθιστῶν αὐτοῦ τε καὶ τὰ μελωδῆματα. ἐνέργειαν δὲ ἔχει καὶ αὐτὸ τοῦτο, καὶ ἐν ταῖς καθολικαῖς πανηγύρεσι τὰς ἐνάρξεις ποιεῖν, ἐν τῇ ἐκφωνεῖν πρὸς τὸν ἀρχιερέα, ἢ τὸν παρόντα ἱερέα, Εὐλόγησον, Δέσποτα*“. Отсюда видно, что доместикъ является главнымъ регентомъ, головщикомъ (*ἀρχῆδος*), наблюдавшимъ какъ за правильнымъ исполненіемъ мелодій, такъ и за сочинителями мелодій. Онъ приводилъ въ ритмъ и порядокъ какъ мелодовъ, такъ и мелодій. Однимъ словомъ, онъ былъ искуснѣйшимъ и опытнѣйшимъ пѣвцомъ, на долю котораго приходилось исполненіе самыхъ трудныхъ мелодій. Въ настоящее время на православномъ Востоцѣ самыя трудныя мелодіи, каковы: херувимская пѣснь, катавасія 9-ой пѣсни, поліелей, подлежатъ исполненію протопсалта (главнаго головщика), или его перваго доместика (помощника). Для деталей въ объясненіи *δομῆστικος* ссылаемся на „Thesaurus ecclesiasticus“ Joh. Caspari, Amstelodami 1682, opus novum, стр. 938, равно какъ на „Glossarium“ Дюканжа, Vratislaviae, 1891, t. I, стр. 318—322.

²⁾ Въ неумерованномъ кодексѣ Давида Редестивоса (съ датой 1433 г.) хранящемся въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ

доньствѣ, ту сѣдохомъ и плакахомься“, относящееся къ деме-
ственному пѣнію, изслѣдователи найдутъ въ нижегородско-бла-
говѣщенскомъ Кондакарѣ какъ разъ въ асматикѣ восьмага гласа
(н. 119 об.) въ слѣдующемъ видѣ: „на рѣцѣ вавоулоньствѣи тоу
сѣдохомъ аделоуи“. Съ цѣлью познакомить читателей съ со-
держаніемъ асматическихъ богослуженій приводимъ сюда всѣ
стихи асматика упомянутаго восьмага гласа, сохраняя ихъ пра-
вописание:

- На рѣцѣ вавоулоньствѣи тоу сѣдохомъ аделоуи.
Иероусалиме аделоуи.
Иероусалиме аделоуи.
Иероусалиме алѣлоуи.
5. Тия икоумени алѣлоуи.
Ни гнѣвъмъ твоимъ покаиси мене аделоуи.
И святоумоу доухоу аделоуи.
По всенъ земли алѣлоуи.
И нына и присно и въ вѣки вѣкомъ аминь.
10. аделоуи.
Слава тебе боже аделоуи.
Тия икоумени аделоуи.
Ени си коурисъ ильниса аделоуи.
Тия икоумени аделоуи.
15. Тия икоумени аделоуи.
Слава тебе боже аделоуи.
17. И святоумоу доухоу аделоуи.

По мнѣнію г. Смоленскаго, „неполнота указанія Степенной
книги увеличивается еще и отъ неупоминанія о собственно-гре-
ческомъ пѣніи, несомнѣнно бывшемъ въ древней Руси“. Эта

на 144 л. значится: „Фρῶνιστικὴ ἄλφειω: καὶ προτοπαλαῖς τῶν ἁγίων Ἀποστόλων ὁ δωμα-
τικός ἦτορ βασιλοπαλαῖς ἄλφειω“ (=Фардидука — протопоицъ domestikъ святыхъ Апо-
столовъ, т. е. вѣншій протопоицъ). См. также у Jean Thibaut „La notation de
St Jean Damascène“ отд. оттискъ стр. 8. Изъ цитированнаго здѣсь мѣста ясно
что у ново-византийцевъ βασιλικὸς называется протоπαλαῖς ἄλφειω — первымъ вѣн-
шнимъ попомъ (въ противоположность внутреннему попу — священнику) или го-
ловщикомъ (последній, собираясь послужить въ церкви въ свои обязанности,
предварительно надѣваетъ на себя рясу; отсюда название его протоπαλαῖς, но
ἄλφειω — извнѣ, вѣншій алтарь). Но такъ какъ пѣніе, исполняемое этими протопо-
нами, названо по ихъ числу пападическимъ, что и содержится въ известныхъ
наукѣ манускриптахъ — пападикахъ „παπαδική“ (въ Публ. Б-кѣ хранятся нѣ-
сколько такихъ пападикъ; см. Кодексъ №№ 126 (XV в.), 130, 132 — 137, 139, 188,
203 и 207) то ясно, что и пѣніе, исполняемое domestikами — „демественное“
скорѣе всего могло получить свое названіе отъ званія его исполнителей.

аргументація г. Смоленскаго не можетъ имѣть силы послѣ того
какъ нами доказано, что русское церковное пѣніе цѣлкомъ
завмствовало изъ Византіи. Въ добавокъ скажемъ, что неупоми-
наніе о собственно-греческомъ пѣніи въ разбираемомъ указаніи
не неполнота, а именно полнота: вѣдь тогда самостоятельнаго
русскаго церковнаго пѣнія не было. Какъ греческій, такъ и рус-
скій пѣвецъ въ древнее время въ исполненіи мелодіи одного и
того же пѣснопѣнія не расходились между собою. Разница была
у нихъ лишь въ томъ, что одинъ пѣлъ по-славянски, а другой
по-гречески. Русскія потныя богослужебныя книги составлялись
по образцу отчасти южно-славянскихъ, отчасти греческихъ. А
южно-славянскія съ своей стороны списывались съ греческихъ
подлинниковъ. Поэтому русскій пѣвецъ того времени, исполняя
данное пѣснопѣніе по знаменамъ, воспроизводилъ греческій под-
линникъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ частностяхъ, а не въ
общемъ напѣвѣ. Уклоненія отъ греческаго оригинала зависѣли
отъ примѣненія греческаго напѣва къ числу слоговъ и порядку
удареній въ славянскомъ текстѣ. Тоже самое бываетъ и въ настоящее
время у болгаръ. Пѣвческія книги послѣднихъ воспроизводятъ гре-
ческія теперешнія музыкально-богослужебныя книги. Поэтому гре-
ческій пѣвецъ, умѣющій пѣть по крокамъ и хорошо знакомый съ
греческими церковными напѣвами, не затрудняется замѣнить бол-
гарскаго протопсалта въ церкви, если знаетъ по-славянски; также
и наоборотъ. То же самое происходило въ Россіи въ XI, XII и т. д.
вв. до XV в. Если въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются свѣ-
дѣнія въ родѣ того, что въ Ростовѣ „лѣвый ликъ гречески поюху“,
то ихъ не надо понимать въ томъ смыслѣ, что правый ликъ,
пѣвшій по-славянски, исполнялъ чисто славянскіе напѣвы, а гре-
ческій — греческіе, а надо думать, что какъ лѣвый, такъ и пра-
вый исполняли одни и тѣ же напѣвы и мелодіи на разныхъ
языкахъ, какъ это практикуется и въ настоящее время въ Пале-
стинѣ и Сиріи. Тамъ правый хоръ поетъ по-арабски, а лѣвый
по-гречески, между тѣмъ какъ правый, такъ и лѣвый, исполняютъ
одни и тѣ же напѣвы и мелодіи. Ссылка г. Смоленскаго на то,
что разбираемая здѣсь „запись сдѣлана 300 лѣтъ спустя“ (стр.
23 и 25), — чѣмъ онъ думаетъ ослабить значеніе указанія Ст.
книги, — ничего не доказываетъ. Авторъ Степенной при ея со-
ставленіи могъ имѣть передъ собою древній источникъ.

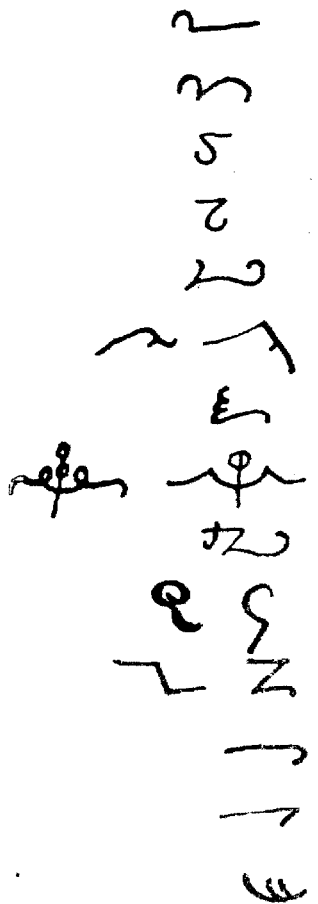
Послѣ вышесказаннаго о достовѣрности указанія Степенной
на происхожденіе вообще музыки у русскихъ и въ частности

какъ трехсоставнаго сладкогласованія—кондакарнаго, такъ и деме-
ственнаго или асматическаго, вопросъ о происхожденіи кондакар-
ныхъ знаменъ самъ собою разрѣшается. Но во избѣжаніе недо-
разумѣній постараемся и въ этомъ вопросѣ руководиться фак-
тами. По справедливому замѣчанію г. Смоленскаго, знаменныи
распѣвъ выдѣлился изъ кондакарнаго распѣва¹⁾, что, безъ со-
мнѣнія, предполагаетъ существованіе кондакарнаго распѣва
въ Византіи, гдѣ только и могло имѣть мѣсто подобное обстоя-
тельство. Къ сожалѣнію, ученому міру пока неизвѣстно, суще-
ствуютъ-ли гдѣ-нибудь греческіе кондакари съ знаменами сла-
вянскихъ кондакарей. Несмотря, однако, на отсутствіе подобныхъ
кондакарей на греческомъ языкѣ, принадлежность кондакарнаго
знамени съ его распѣвомъ византійской музыкѣ болѣе, чѣмъ
очевидна. Изъ среды, напримѣръ, большихъ знаменъ кондакар-
наго и асматическаго знамени выдѣляются, прежде всего, пѣ-
скольکو буквъ греческой азбуки, а изъ остальныхъ—малыхъ—
всѣ просодійные знаки экфонетическаго распѣва, равно какъ
надстрочныя мартиріи, встрѣчаемыя и въ знаменномъ распѣвѣ,
напримѣръ: А, В, Г, Д и Е. Отсюда само собою понятно, что Романъ
Сладкопѣвецъ въ V еще вѣкѣ для составленія своихъ мело-
дій воспользовался, съ одной стороны, наличными музыкальными
знаменами, употреблявшимися при немъ буквами греческой
азбуки, а съ другой—просодійными знаками, въ IV столѣтіи,
если не раньше, вошедшими въ употребленіе въ церкви. Упомя-
нутые большіе знаки кондакарнаго распѣва составляютъ преимуще-
ственно верхнюю строку кондакарныхъ пѣснопѣній и служатъ
какъ для повышенія и пониженія голоса, такъ и показателемъ
трудной и весьма сложной регентуры (жестикуляціи) дирижера
какъ кондакарнаго, такъ и асматическаго хора. Размѣры этихъ
знаковъ весьма велики сравнительно съ величиной знаковъ вто-
рой строки, указывающихъ собственно на мелодію—на повышеніе
и пониженіе голоса. Относительно этихъ большихъ знаковъ,
слѣды которыхъ сохранились въ выше цитированныхъ „папали-
кахъ“, сохранилось одно указаніе какъ для опредѣленія ихъ
музыкальной функціи, такъ и на принадлежность ихъ греческой
музыкѣ, а именно: „...τὰ δὲ μεγάλα σημάδια τὰ ἄφωνα, ἕκαστα λέγον-
ται μεγάλα ὑποστάσεις, καὶ οὐκ ἔχουσι διάφορα, ταῦτα εἰσι διὰ μόνης

¹⁾ „Азбука знаменнаго пѣнія“, стр. 30.

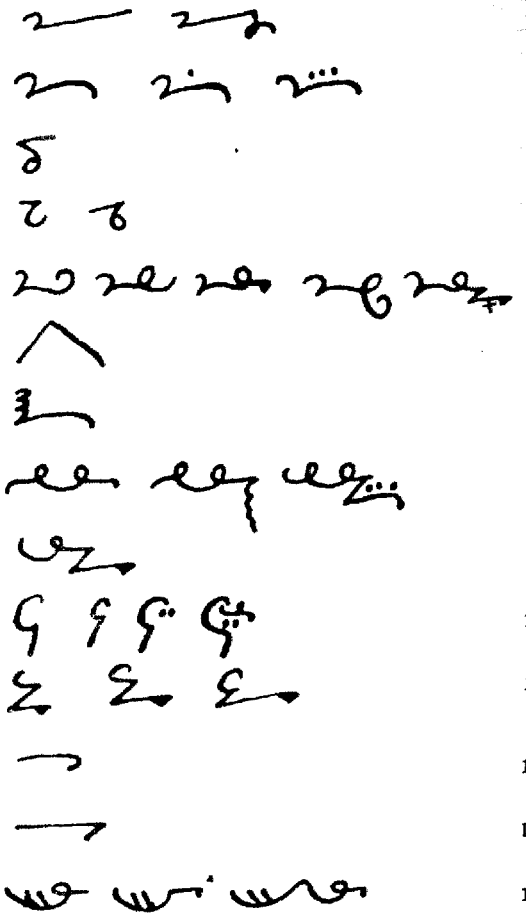
ἑτρονσείας καί μενα, καὶ οὐ διὰ φωνήν, ἄφωνα γὰρ εἰσι.“¹⁾ (= боль-
шіе безгласные знаки, называемые иначе большими ипостасями и
разными схемами, исполняются лишь регентурой (жестикуляціей), а
не голосомъ, потому что они безгласны). Приводимая здѣсь вы-
писка имѣетъ въ виду, конечно, пѣніе своего времени—XVI,
XVII и XVIII вв.; но важно то, что въ этомъ текстѣ сохранилось
указаніе на принадлежность большихъ кондакарныхъ знаменъ
греческой музыкѣ: во-первыхъ упоминается о томъ, что они
большія, а во-вторыхъ—что имѣютъ οὐκ ἔχουσι διάφορα—разно-
образныя формы; и тотъ и другой признакъ отличаетъ большія
знамена славянскихъ кондакарей. Что касается до музыкальной
функціи упомянутыхъ большихъ знаковъ, въ той же выпискѣ
значится, что они служатъ показателемъ лишь хирономіи, т. е.
правильной жестикуляціи регента, и что они безгласны, не ука-
зываютъ на повышеніе или пониженіе голоса. Первая изъ этихъ
двухъ подробностей относится какъ къ большимъ кондакарнымъ
знаменамъ славянскихъ кондакарей, такъ и къ знаменамъ визан-
тійскаго пападическаго пѣнія; вторая всецѣло отличается совре-
менное автору выписаннаго текста пѣніе отъ извѣстнаго намъ
кондакарнаго. Дѣло въ томъ, что кондакарный распѣвъ у визан-
тійцевъ изъ двухголоснаго впоследствии сталъ одnogлоснымъ,
а потому большіе знаки, не играя болѣе своей первоначальной
роли, перемѣнили свое мѣстоположеніе и помѣстались вмѣсто
верха внизу, подѣ собственной мелодіей, только какъ указатели
хирономіи, давно вышедшей изъ употребленія. Такъ какъ они
лишились значенія, то стали писать про нихъ съ нѣкоторымъ
удареніемъ, что они безгласны (καὶ οὐ διὰ φωνήν, ἄφωνα γὰρ εἰσι).
Въ извѣстныхъ наука пападикахъ (παπαδική), вслѣдъ за вышеци-
тированными указаніемъ о большихъ знакахъ, приводится цѣлая
группа этихъ знаковъ съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ.
Знаки эти, конечно, жалкіе остатки знаменъ кондакарнаго рас-
пѣва, уцѣлѣвшіе у византійскихъ пѣвцовъ по традиціи; потому
на второй страницѣ каждой пападики группируется ирядочное
число большихъ знаковъ (многіе изъ нихъ вслѣдствіе частаго
переписыванія утратили свой первоначальный видъ), изъ среды
которыхъ можно отмѣтить блѣдкіе по начертанію съ знаками
русскихъ кондакарей, какъ, напримѣръ:

¹⁾ Кодексъ Импер. Публичной Библіотеки, № 132, л. 1 об.

Знамена греческихъ ванадись.

- 1. Αὐγίσια
- 2. Ἀντικωνιάματα
- 3. Προμικόν
- 4. Ἐκστραπτόν
- 5. Ἔστρον
- 6. Ἐθρον κλάσμα
- 7. Ἐναρίς

Знамена славянскихъ кондакарей.

- 8. Πρίφθορον καὶ Ἠμίφωνον
- 9. Ψηφιστοπαρχάλεσμα
- 10. Παρακλίεσμα
- 11. Παρακλιτική
- 12. Ἀντικένομα
- 13. Ομαλόν
- 14. Ἐπέγεσμα

Такимъ образомъ ясно, что эти знаки употреблялись еще у византийцевъ, откуда могли перейти и въ Россію. Впрочемъ сочиненія Святыхъ Отцовъ очень ясно намекаютъ на существованіе

упомянутыхъ большихъ знаковъ еще во времена Златоуста. Последній, какъ извѣстно, былъ главнымъ противникомъ уже позднѣйшихъ при немъ въ церковь театралныхъ мелодій и способовъ ихъ исполненія. Рѣзкая его рѣчь противъ современныхъ ему пѣвцовъ даетъ намъ ясное понятіе о существованіи хирономіи—сложной и весьма трудной регевтуры.

Хирономія въ смыслѣ *diriger, dirigiren* употреблялась еще при Константилѣ Багрянородномъ, который въ „Ἐκθέσει τῆς βασιλείου τάξεως“ (т. 2, стр. 432) упоминаетъ о двухъ великихъ доместикахъ, входящихъ въ алтарь съ цѣлью дирижировать хоромъ изъ отцовъ при пѣніи¹⁾. Въ томъ же томѣ, на страницѣ 438, хирономія названа Порфиророднымъ *μного-искусственнымъ хирономическимъ движеніемъ* (πολύτεχνος τῆς χειρονομίας κίνησις), что на самомъ дѣлѣ, оправдывается, если судить по внѣшнимъ призвакамъ, многосложностью начертаній и множествомъ великихъ знаменъ какъ кондакарнаго, такъ и асмагического пѣнія. Хотя о хирономической техникѣ существуютъ спеціальныя трактаты, однако послѣдніе очень скудны разъясненіями; такъ что невозможно составить себѣ полнаго понятія о томъ, какимъ образомъ доместикъ хирономизировалъ тотъ или другой знакъ²⁾. Въ сборникѣ греческихъ трактатовъ по церковному пѣнію, хранящемся въ Имп. Публ. Библиотекѣ № 239, содержится трактатъ съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Ἐρωταπόκρισις περὶ τοῦ τί ἐστὶν ἡ χειρονομία“. (Вопросы и отвѣты о томъ, что такое хирономія) ненавѣстнаго автора. По разъясненію послѣдняго, „Хирономія—это правило, переданное Святими Отцами—св. Космою Пѣснотворцемъ и св. Іоанномъ Дамаскинскимъ; ибо въ тотъ моментъ, какъ голосъ начинаетъ выходить (изъ усть) собирающагося пѣть, тотчасъ-же начинается и хирономія, чтобы она указывала на мелодію“³⁾ (т. е. на оттѣнки исполненія).

1) „Καὶ ἐν τούτῳ τῷ χειρῶ εἰσάγειν πρὸς χειρονομίαν τῶν ἀνακρινένων τοὺς δύο μεγάλους δομειστικούς . . . πρὸς τὸ ποιεῖσθαι τὴν χειρονομίαν ἐπὶ τὴν ψαλμωδίαν τῶν ἀνακρινένων πατέρων“.

2) Такого характера трактатъ о хирономіи, изданный въ греч. ж. „Σωτήρ“ 1882 г., т. 5, стр. 348 — 352, Икесіемъ Матри, найденный имъ въ библиотекѣ своего отца въ Ая-Сулукъ. Подобный текстъ содержится и въ афонскомъ кодексѣ № 335. См. Σαχκρινόμος Κατάλογος, стр. 169.

3) „Χειρονομία ἐστὶ νόμος παραδεδωμένος τῶν ἁγίων πατέρων, τοῦ τε ἁγίου Κοσμῆ τοῦ ποιητοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ, ἡνίκα γὰρ ἐξέρχεται ἡ φωνὴ τοῦ μέλλοντος ψάλλειν τι παρατίθεται ἡ χειρονομία, ἵνα παραδείξουσιν ἡ χειρονομία μέλος“, л. 10 об.

Въ нижегородско-благовѣщенскомъ кондакарѣ встрѣчается значительное число пѣснопѣній съ греческимъ текстомъ. Последнія вполне соответствуютъ своему назначенію, почему ихъ текстъ изложенъ не греческими буквами, а славянскими. Кое-что тамъ вдвойнѣ, т. е. изложено и по-славянски, и въ греческомъ подлинникѣ, подъ славянскими буквами. Таковъ ипаконъ на Воздвиженіе честнаго креста. Вотъ начало греческаго текста: „Ἐπιμερον τὸ προφητικὸν κελάρια λόγιον, ἰδοὺ γὰρ προσηγορεύει“ и т. д.; по-славянски: „Днесь пророческое събысться слово, се бо покланяемся“ и т. д.¹⁾ (л. 84). Замѣчательно, что какъ большія, такъ и малыя кондакарныя знамена, которыя стоятъ надъ греческимъ текстомъ, почти одни и тѣ же; первая же строка у обоихъ совершенно одна о та же въ томъ, что касается до комбинаціи знаменъ. Далѣе они нѣсколько отступаютъ другъ отъ друга, но это объясняется тѣмъ, что каждое переведенное слово съ греческаго на славянскій не соответствуетъ по числу слоговъ греческому слову, что и заставляетъ переводчика то пропускать нѣкоторыя знамена, когда переведенное слово окажется короткимъ, то дополнять лишніе слоги надлежащими знаками, впрочемъ, не новыми, а напичными. Такое свидѣтельство, воспользуемся выраженіемъ Рязскаго, „явный признакъ не только близости, но и тождества кондакарныхъ мелодій съ мелодіями греческихъ подлинниковъ“. Греческихъ пѣснопѣній въ этомъ кондакарѣ масса. Ихъ можно найти на листахъ: 84, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121 и т. д. На 118 л. замѣчательно „Слава и шифъ“. Оно написано пополамъ—по-славянски и по-гречески, а именно: „слава Отцу и Сыну, ие агіе Пневмати“. Далѣе, на листахъ: 83, 86, 91, 92, 93, 94, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114 и т. д. встрѣчаются такъ называемыя византійскими пѣвцами *экигимата*, *апикимата* и *экигимата*, т. е. припѣвы въ родѣ: агіа, не агіе, нана, неанес, ане, авес, панагіа, анапагіа, не леге, нпе и т. д. Здѣсь протяжныя напѣвы, изложенныя кондакарными знаками, а такъ какъ припѣвы имѣютъ особое назначеніе, то и писаны киноварью. Это ихъ назначеніе заключается въ томъ, что пѣвецъ, прежде чѣмъ начнетъ исполнять мелодію даннаго пѣснопѣнія, долженъ предварительно руководиться тѣмъ запѣвомъ, по гласу котораго из-

¹⁾ Въ теперешнихъ богослужебныхъ книгахъ (мѣс. сентябрь и день настоящее пѣснопѣніе значится: на оутрени. По 6-мъ стихословію *свдланы* гласъ 5.

ложено данное пѣснопѣніе. Онъ, говоря иными словами, вводитъ пѣвца въ тотъ ладъ, въ которомъ будетъ исполнено данное пѣснопѣніе. Упомянутыя здѣсь припѣвы сохранились даже до настоящаго времени въ греческой церкви.

Очень цѣнное историческое свидѣтельство говоритъ, что у византійцевъ кондаки составляли особый распѣвъ, выполняемый особымъ хоромъ исключительно изъ свѣтскихъ лицъ. Это толкованіе Вальсамона, канониста XII в., на 15-е правило Лаодикійскаго собора. Тамъ идетъ рѣчь о замѣчаніи Златоуста искуснымъ пѣвцамъ: Ἐπιμερασαί ταῦτα... καὶ διὰ τοὺς λαϊκοὺς τοὺς χοροστάτας τῶν κονδακίων τοὺς ἐπ' ἐκκλησίας καὶ ἐν ταῖς ἀγοραῖς δοματικέουσας¹⁾, т. е., замѣть это... и по отношенію къ мірянамъ, составляющимъ особый хоръ при распѣваніи кондаковъ и дирижирующимъ какъ въ церквахъ, такъ и на рынкахъ²⁾.

На самомъ дѣлѣ, кондаки, по своимъ знаменамъ и исключительно протяжнымъ мелодіямъ, составляютъ особый распѣвъ, извѣстный подъ именемъ кондакарнаго распѣва. Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у византійцевъ существовалъ особо кондакарный распѣвъ. Въ кондакарияхъ между прочими пѣснопѣніями находятся и такъ называемыя асматикки, т. е. цѣлыя особыя богослуженія, состоящія болѣею частью изъ псалмовъ и обзаванія своимъ происхожденіемъ христіанамъ первыхъ вѣковъ. Асматическія богослуженія ряздѣляются на асматическія вечерни и асматическія утрени. Точное описаніе ихъ типикона оставилъ намъ лишь одинъ Симеонъ Θεσσαλονικійскій. Въ нижегородско-благовѣщенскомъ кондакарѣ находится восемь асматическихъ богослуженій. Такимъ образомъ, если объединимъ въ одно всѣ вышеприведенныя данныя, то мы получимъ слѣдующее окончательное заключеніе насчетъ кондакарнаго распѣва: и онъ полученъ въ Россіи изъ Византіи въ законченномъ видѣ. Соответственно этому, мы обязаны допустить существованіе греческихъ кондакарей, по образу которыхъ составлялись славян-

¹⁾ Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κληρῶν“ ἐπὶ Γ. Α. Ράλλη καὶ Μ. Πέτλη, Αθήναι, 1853 г., стр. 185.

²⁾ Кондакарный распѣвъ вообще, вмѣстѣ съ нѣсколькими отъ него отличающимися демественнымъ, по нашему мнѣнію, состоитъ, если не цѣлкомъ, то болѣею частью изъ свѣтскихъ народныхъ мелодій, вошедшихъ въ церковь довольно рано изъ народнаго византійскаго театра. Поэтому мы полагаемъ, что въ древне-славянскихъ кондакарияхъ хранится безцѣнное сокровище какъ греческихъ, такъ и смѣшанныхъ народныхъ мелодій.

скіе. Ученый Γεεσιγς сообщаетъ въ своей книжкѣ: „Ἡ ἐπινοήσις τῆς παρασηματικῆς“¹⁾, что во время своихъ изслѣдованій въ западныхъ библіотекахъ нашель двѣ полныхъ службы асматической вечерни на нотахъ; но, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ они находятся. Обращаясь къ нижегородско-благовѣщенскому кондакарю, можемъ замѣтить, что онъ списанъ съ другого подобнаго ему кондакаря, такъ какъ мѣстами въ немъ встрѣчаются листы съ пѣснопѣніями протяжными безъ нотъ, откуда видно, что переписчикъ сперва списывалъ текстъ, а затѣмъ уже расставлялъ надъ нимъ ноты. Этотъ кондакаръ, по словамъ А. И. Соболевскаго, относится къ концу XII или началу XIII вѣка, а такъ какъ, по нашимъ догадкамъ, онъ списанъ съ другого подобнаго ему кондакаря, то слѣдуетъ признать, что кондакарный распѣвъ вмѣстѣ съ деме-ствомъ явился на русской почвѣ довольно рано.

IV.

Переходя къ вопросу о нотно-музыкальномъ письмѣ южныхъ славянъ, мы скажемъ лишь слѣдующее. Недавно французскій ученый аббатъ Jean Thibaut, на основаніи памятника XIV в., копіи списка Синодика Бориса, хранящейся въ болгарской Софійской библіотекѣ, сообщилъ въ вышеупомянутой его статьѣ: „La notation de St-Jean Damascène“ (стр. 3—4), что „южные славяне въ вопросѣ о семантикѣ (нотно-музыкальномъ письмѣ) не послѣдовали примѣру сѣверныхъ славянъ, но предпочли (такъ называемую) нотацию святого Дамаскина“. Подобное утвержденіе аббата отнимаетъ у южныхъ славянъ употребленіе ими такъ называемой русской семантики. Это несправедливо и доказываетъ, что французскій ученый совсѣмъ незнакомъ съ содержаніемъ древнихъ музыкально-богослужебныхъ памятниковъ Русской церкви; вѣдь, намъ извѣстно изъ данныхъ русской палеографіи, что многія русскія музыкально-богослужебныя книги *списаны съ болгарскихъ подлинниковъ*. Впрочемъ, рукопись, приводимая упомянутымъ аббатомъ, ничего въ пользу его не говоритъ; намъ извѣстно, что царь Борисъ, при которомъ составленъ Синодикъ, жилъ въ концѣ XII и началѣ XIII в., т. е. въ то какъ разъ время, когда появлявшаяся съ конца XI в. такъ называемая нотация св. Дамаскина была во всеобщемъ употребленіи у византійцевъ. Помимо этихъ данныхъ надо имѣть въ виду и то, что въ Синодикѣ — подлин-

¹⁾ „Ἡ ἐπινοήσις τῆς παρασηματικῆς“, Ἀθήναι, 1886 г., стр. 23.

никъ могло не быть пѣснопѣній съ нотами; таковыя есть лишь въ спискѣ XIV в.; ясно, они могли быть внесены туда какимъ-нибудь пѣвцомъ, жившимъ въ XIV вѣкѣ. Слѣдовательно, приводимый аббатомъ документъ XIV в. не компетентенъ рѣшить вопросъ о томъ, что было у южныхъ славянъ въ IX вѣкѣ. Остается возможность признать, что въ IX, X, XI и XII вѣкахъ южные славяне употребляли ту самую семантику, какую и русскіе.

Изъ всего вышесказаннаго о происхожденіи пѣвческихъ нотаций, или нотнаго музыкальнаго письма сѣверныхъ и южныхъ славянъ, слѣдуетъ слѣдующій, какъ намъ кажется, несомнѣнный выводъ: пѣвческія нотации южныхъ и сѣверныхъ славянъ получены у нихъ готовыми изъ Византіи вмѣстѣ съ ихъ теоріей и практикой—способомъ исполненія. Далѣе, у южныхъ славянъ, съ IX до XIII в., были въ употребленіи тѣ же самыя нотации, что у сѣверныхъ; послѣдніе, впрочемъ, приняли ихъ *и посредствомъ* черезъ южныхъ славянъ *и непосредственно изъ Византіи*, какъ видно изъ историческаго свидѣтельства, съ одной стороны, и изъ сличенія греческихъ и славянскихъ музыкально-богослужебныхъ памятниковъ—съ другой.

Константинъ И. Пападопуло-Керамевъ,
преподаватель Бугурусланскаго Духовнаго училища.